

Татьяна Коростышевская

Мать четырех ветров

ВЛАДЫЧИЦА ВЕТРА

ИДДК

КНИГА 3

Владычица ветра

Татьяна Коростышевская

Мать четырех ветров

«ИДДК»

2014

Коростышевская Т. Г.

Мать четырех ветров / Т. Г. Коростышевская — «ИДДК»,
2014 — (Владычица ветра)

ISBN 978-5-9922-1853-4

Дамы и господа, спешите видеть! Впервые под жарким элорийским солнцем для вас разыграется удивительное представление! Любовь и страсть, придворные интриги, пышные балы, свидания и расставания, дуэли и пикантные ситуации. В главной роли — неугомонная Лутеция Ягг, юная рутенская ведьма, внучка бабы Яги. Во всех прочих — ее многочисленные друзья, недоброжелатели, поклонники, а также великий и ужасный князь Влад по прозванию Дракон. Пожалуйте, дамы и господа! Скучно не будет!

ISBN 978-5-9922-1853-4

© Коростышевская Т. Г., 2014

© ИДДК, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	29
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Татьяна Коростышевская

Владычица ветра

Книга 3

Мать четырех ветров

Пролог

Пронзительный крик «Торо!» разносится над площадью Розы. Желтый песок брызжет из-под копыт быка, восторженно вопят зрители, пикадоры разбегаются, чтоб уже через мгновение перестроиться и продолжить свой смертельно опасный танец. Двухцветные плащи капоте трепещут, будто флаги на ветру. «Торо, бестия, торо! Подходи, бестия, поиграем!» Соленый ветер с моря доносит запах водорослей. Скоро и он исчезнет, смытый новым жестким ароматом – пота и крови, азартным запахом корриды. Зрители возбуждены. Круглый периметр арены заполнен. И уже плевать почтенным матронам на непристойно сползшие мантильи молодых подопечных, на сломанные нежными пальчиками веера и на жаркие взгляды, которыми опаляют раскрасневшиеся щеки благородных доний столичные повесы. «Торо, бестия! Торо!»

В двух кварталах от площади под соломенным навесом таверны «Три танцующих свињи» происходила встреча, не имеющая к корриде прямого отношения. На плетеных стульях за выбеленной соленым ветром и жарким элорийским солнцем столешницей друг напротив друга сидели двое. Хозяин заведения Педро Хуан Октавио ди Луна по прозвищу Плевок и некто, чье имя обычно произносилось украдкой и на любом языке означало – смерть. Этот второй, несмотря на одуряющую жару пятого месяца мадхо, кутался в серый плащ. Длинная шпага с глубокой чашкой лежала на столе, как бы демонстрируя всем желающим, что пустой болтовни ее хозяин не любит. Плевок отдувался и поминутно вытирал лысину полинялой тряпичей, пока его собеседник цедил вино из бокала с таким видом, будто каждый глоток может стать последним.

– Говоришь, у мальчишки, как там его зовут, есть какая-то поддержка в Квадрилиуме?

– Ну да, – фыркнул хозяин. – Точно так, Муэрто, точно так... Магичка к нему ходит как по часам, ежедневно, и сам он...

Плевок умолк, будто прикидывая, стоит ли выдавать на-гора ценную информацию. Собеседник терпеливо ждал, затем кончиками пальцев тронул эфес шпаги. Сталь звякнула о столешницу. Плевок быстро продолжал:

– Служанки все перешептываются, не простой кабальеро у нас живет-поживает. Аннунциата белье его стирает за медную монетку в день, так вот, заметила она на рубашках нашивки – знак саламандры.

– Огневик? Бывший маг или шпион ректора?

– Все может быть, – пожал плечами хозяин. – Только его удачные ставки на корриде совсем уж чародейством пахнут.

– Понятно. – Муэрто задумчиво пожевал губами и еще плотнее закутался в плащ. – Передай заказчику, придется доплатить. Одно дело – скрестить шпагу в темном переулке с резвым вертопрахом, а совсем другое – с магом, пусть и бывшим.

– Ты, главное, это... – Хозяин отбросил тряпицу, в лучшие времена служившую для протирки посуды. – Главное – предупредить меня не забудь. Клиенту-то нашему про мальчишкину кубышку знать не обязательно, а нам с тобой она очень пригодится.

– И что там, много припрятано?

– Да уж немало. Знаешь, кто на прошлой неделе куш сорвал?

– Это когда бык взбесился и пришлось в действие вторую терцию пропустить, переходя сразу к третьей? – скептически поднял рыжеватые брови Муэрто. – И на что же ставил наш объект?

Плевок исподтишка оглянулся, чтоб убедиться, что их никто не подслушивает.

– На отмену боя. Один поставил. Тридцать дублонов. Представляешь? А бой-то как раз и отменили!

Рыжеватые глаза смотрели равнодушно из-под низко надвинутых полей шляпы.

– Но ты все же с клиента прибавку спроси.

– Непременно, Муэрто. Все сделаю.

– Как, говоришь, нашего мальчика зовут?

– Мануэль Изиидо, провинциал, как все они – гордый до спеси.

– Ну, так мир праху его, – поднял Муэрто почти опустевший бокал. – Есть у меня предчувствие, что на днях род Изиидо понесет невосполнимую утрату.

Плевок льстиво хихикал, подливая собеседнику вина.

Невинная жертва готовящегося нападения, тот самый Мануэль Изиидо, в это время подметал полый плаща булыжники мостовой неподалеку от площади Розы. Юный вертопрах был действительно юн, лет двадцати – двадцати двух на вид. Не очень высок ростом, что, впрочем, несколько скрадывалось высокими каблуками ботфорт, и слегка субтилен, чего ни щеголеватый облегающий колет, ни плащ, который молодой человек по случаю жары широко распахнул, скрыть не могли. Острый нос и подбородок недвусмысленно свидетельствовали о жаркой южной крови молодого человека. Карие, чуть навывкате глаза обрамлялись густейшими ресницами, могущими сделать честь любой записной кокетке. Над полноватой верхней губой заливчато топорщились темные усики. Короче, на пустынной по случаю корриды улочке нижнего города в этот момент находился кабальеро, приятный во всех отношениях, способный заставить учащенно биться не одно девичье сердечко. Но планы молодого человека были далеки от любовных утех. Хотя ожидал он именно даму, и дама изволила запаздывать. Наконец из темных врат храма Источника показался накрахмаленный чепец, а следом и его обладательница – прехорошенькая горничная.

– Доброго полдня, – звонко произнесла она, поравнявшись с молодым человеком.

– И вам того же, любезная Аннунциата. – Мануэль поклонился, сняв шляпу и тряхнув черными кудрями. – Могу ли я надеяться, что вы поможете мне?

– Непременно, – сверкнула очами кокетка. – Если вы снабдите меня пропуском, я доставлю ваш груз в Верхний город.

– К воротам Квадрилуума, – уточнил молодой человек, передавая в дамскую ладошку тугой свиток пергамента с продолговатой печатью. – Вам придется побеседовать с ключником и добиться от старика, чтоб он вызвал к воротам донью Лутецию Ягг.

– Незачем повторять, – капризно надулись розовые губки. – Я же не дурочка!

– О, я несколько не сомневаюсь в вашем светлом уме, моя прелесть, – терпеливо продолжал кабальеро. – Более того, я уверен, что вы единственная среди своих товарок обладаете достаточной обходительностью для того, чтобы сойти за свою в аристократическом обществе университета.

Щечки горничной порозовели от удовольствия. Однако тревожная складочка между тонких бровок разгладиться не спешила. Мануэль не возражал, когда она назвала донью Лутецию его любимой, а это говорило слишком о многом.

– Если ваша ветреница будет на занятиях, что прикажете делать мне? Я отпросилась у хозяина для посещения храма и не думаю, что он поверит, будто я до вечера черпала мудрость Источника.

– Ваша мудрость и без того велика, о роза моего сердца! – Кабальеро на минутку задумался. – К тому же вам действительно придется подождать у ворот. Шансы, что вы застанете на месте донью Ягг, невелики.

Девушка нахмурилась. Мануэль ласково заглянул ей в лицо.

– Ну почему так грустны эти милые глазки? К их блеску подойдет насыщенный цвет рубинов.

Из кошель молодой человек извлек массивные серьги в виде полумесяцев из тяжелого зеркального перламутра. В центре каждого из них на тоненькой цепочке болтался искусно ограненный малиновый камешек.

– Они того же цвета, что и вино, хранящееся в погребах Изиидо. Цвет любви, цвет страсти – ваш цвет.

Аннунциата ахнула. И хотя сомнения в благосостоянии провинциального дворянского рода господина Мануэля неоднократно высказывались и ею, и ее подругами в частных беседах, сейчас она готова была поверить, что перед ней элорийский король инкогнито. Она жадно схватила подарок.

– Не нужно меня благодарить. Ваша красота достойна большего, – обольстительно журчал голос кабальеро. – Верьте мне.

И Аннунциата поверила. Мануэль резко свистнул; из-за угла, постукивая копытами по мостовой, показался нагруженный мул.

– Передайте донье Ягг это, – вручил молодой человек поводья ошеломленной девушке. – Я очень надеюсь на вас, моя прелестница.

Зигфрид Кляйнерманн с силой захлопнул оконную створку. В кабинете ректора было, как всегда, невероятно жарко, и раскаленный воздух улицы облегчения не принес.

– Незачем демонстрировать мне свое раздражение, – проворчал мэтр Пеньяте. – Я неоднократно давал тебе понять, что ничем не смогу помочь в сложившейся ситуации.

– Но деньги, учитель?.. Никакого более пошлого предложения для исключения я не припомню.

– А я – более неотвратимого. – Ректор говорил примирительно, почти извиняясь. – Университету нужно на что-то существовать, обучать студентов бесплатно мы не в состоянии.

– А как же стипендии?

– Брось! Год назад ты привез мне девушку, которая обещала стать великой чародейкой. Все этого ожидали. Мы приняли ее с распростертыми объятиями. Ее элорийские родственники не могли найти себе места от радости. И что теперь?

– Лутеция хорошая студентка.

– Да, – кивнул ректор, – но не более того. Все учителя сходятся в одном: она – хорошая студентка. Не отличная, не выдающаяся, а просто хорошая. Этого для стипендии маловато, мой мальчик.

Зигфрид присел на стул и потер переносицу. О том, что молодой огневик когда-то носил очки, напоминал теперь только этот рефлексорный жест.

– А клан Терра? Ведь он богат и признал родство.

– После того как девчонка прилюдно плюнула в глаза высокородному Филиппе Алехандро? Старика чуть удар не хватил.

Зигфрид невольно улыбнулся. Лутоня так и не смогла простить своему деду смерть родителей, о чем и сообщила ему на торжественном приеме, проходившем в Квадрилиуме в честь начала учебного года. И плевков присовокупила, и пару-тройку слов на рутенском, которые никто, кроме Зигфрида, тогда не понял. Первое время огневик опасался, что клан Терра решит отомстить за дерзость, осторожно расспрашивал Крессенсию о планах батюшки, но, видимо, старик решил замять это дело. Донья Терра о новоявленной родственнице говорить отказывалась, и уже через пару месяцев Зигфрид перестал вздрагивать всякий раз, с первого взгляда не находя в толпе студентов свою подругу.

– Зигфрид, дитя мое, ты же знаешь, я многое сделал для этой девочки. Ради ее достойной бабушки, ради напророченного будущего я внял твоим просьбам снарядить спасательную экспедицию к валашским дикарям, чтобы вытащить ее из-под венца, или в какую неприятность она там ввязалась...

Барон слегка покраснел. Из трех боевых квадр, отправившихся тогда на материк, только одна застала Арадское бракосочетание, остальных он вовремя отослал. И маги, которым довелось присутствовать на торжестве, делиться подробностями церемонии с начальством не спешили. Уж очень все было странно, весело, сыто и пьяно. Особенно пьяно... Лутоня женила на себе князя, найдя лазейку в феодальном обычае брака по договору (от лица жениха выступил боярин Михай Димитру), и сняла таким образом проклятие, угрожающее ее жизни. И теперь, Зигфрид очень на это надеялся, ничто не связывает его подругу с Драконом. Последний, скорее всего, давно аннулировал брак. С его имперскими устремлениями, желанием овладевать все новыми и новыми территориями о выгодной партии следует задуматься как можно быстрее. Не то чтобы Зигфрид интересовался континентальной политикой, но по доходящим до него слухам аппетиты Дракона возрастали соразмерно его власти.

Мэтр Пенъте поцокал языком, перечитывая некий документ. Ректор полностью утратил интерес к беседе, отдав предпочтение разбору бумаг перед пустопорожней болтовней. Решение принято. Баста! Зигфрид вздохнул. Пожалуй, он сделал все, что мог. Остается последний шанс: все же попытаться уговорить клан Терра. В конце концов, вряд ли благородный Филиппе Алехандро принял всерьез оскорбление какой-то девчонки, да еще нанесенное почти год назад. А то, что барон Зигфрид фон Кляйнерманн с некоторых пор официально помолвлен с очаровательной доньей Крессенсией дель Терра, наверняка дает ему кое-какие преимущества в общении с главой клана.

Огневик поднялся с места.

– Ты уже уходишь? – удивленно поднял глаза от бумаг ректор. – Задержись на пару минут. Я уже послал за Лутецией и хочу, чтобы ты сам сообщил ей об отчислении.

– Вынужден отказаться от этой чести.

– Барон, вы забываетесь! – В строгом взгляде учителя блеснула сталь, да и переход на «вы» был многозначителен. – Пререкаться с начальством – не лучшая тактика для такого честолюбивого молодого человека, коим вы всегда мне представлялись.

Зигфрид покраснел и приготовился к длинной отповеди. Между делом подумалось, что обычай при посещении кабинета ректора оставлять оружие в приемной имеет под собой веские основания.

– К тому же много времени у нас это не займет, – весело продолжал мэтр. – Мне уже слышится звонкий цокот каблучков вашей, барон, подруги.

Ректор не ошибся. Через мгновение в приоткрытую дверь кабинета просунулась напояженная голова секретаря.

– Донья Лутеция Ягг, – загадочно сообщил писарь в пространство.

Зигфрид невольно задержал дыхание. На пороге появилась она, обычная студентка Квадрилиума. В черном форменном платье с высоким воротом (у левого плеча приколот серебряная брошь – руна ветра), волосы забраны в строгий пучок на затылке. Как ей только удастся в

этом казенном облачении выглядеть более живой и желанной, чем сотни разряженных красавиц там, за стенами университета? Огневик этого не знал.

– Вы желали видеть меня, ректор? – присела она в легком поклоне, едва заметно подмигнув Зигфриду. – Я сама хотела записаться на аудиенцию, чтоб обсудить с вами некий щекотливый вопрос.

– Да, дитя мое. – Пеньяте был сама любезность. – Как только ваш милый опекун и учитель фон Кляйнерманн сообщит вам некую новость, мы сразу же приступим к обсуждению вашей просьбы. Барон, начинайте.

– Мне очень жаль, но...

Зигфрид смешался, подбирая слова.

– Позвольте мне все же сказать первой, – несмело взглянула на ректора Лутеция.

Мэтр благодушно кивнул. Кажется, его невероятно забавляла ситуация столкнуть лбами двух лучших друзей.

Лутоня дождалась разрешения и выглянула за дверь:

– Заносите!

Секретарь снова оказался на пороге. Теперь плечи крючкотвора отягощали два увесистых мешка.

– Сюда! – скомандовала студентка, приблизилась к столу и сдвинула в сторону какие-то бумаги. Мешки оказались на указанном месте, секретарь суетливо поклонился и исчез из кабинета. – Это плата за обучение, – пояснила Лутеция. – Я решила заплатить сразу всю сумму вперед, чтоб не тревожить вас впредь, досточтимый мэтр, этими мелочами.

– Вся? Вся сумма? – ошеломленно переспросил мэтр.

Любовь ректора к презренному металлу была известна далеко за пределами университета и уже не раз служила предметом саркастических шуток и забавных анекдотов. Лутеция пожалала плечами. Хлопнула оконная створка, которую он – Зигфрид мог в том поклясться – запер пару минут назад. Ветер донес возбужденный гул корриды. Ножка стола с хрустом подломилась, мешки съехали точно на колени ректору.

– Можете быть свободны, донья Ягг, – придушенно пискнул ректор.

– А как же новость, которую собирался сообщить мне барон? – Помочь начальству Лутоня не спешила, впрочем, как и сдерживающий хохот Кляйнерманн.

– Пустое, дитя, пустое. – Мэтр Пеньяте демонстрировал недюжинную силу в попытках выпростать из-под стола хотя бы одну руку. – Учитесь, дитя мое, с прилежанием. Ваша стихия требует от своих адептов полной самоотдачи.

– Благодарю вас, учитель, – присела в поклоне ветреница.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – решил барон, галантно открывая даме дверь.

– Ступайте, дети мои, – торжественно произнес ректор.

– Думаешь, почтенному старцу не терпится приступить к пересчету свалившихся на него сокровищ? – шепотом спросила Лутоня уже в приемной. – С полной самоотдачей!

Носик проказницы забавно сморщился, когда она передразнивала гнусавый выговор мэтра.

– Где ты достала деньги? – не поддержал шутливого тона барон.

– Где достала, там уже нет, – отмахнулась девушка и подозвала секретаря.

Зигфрид терпеливо ждал, пока она цветистыми фразами и звонкими монетками благодарила крючкотвора за оказанную услугу.

– Я хочу знать, – повторил он уже в коридоре свой вопрос. – Неужели твой супруг появился и соизволил профинансировать твое обучение?

– Не твое дело! – Карие глаза гневно блеснули. – Прощай, мне пора на занятия.

Лутеция стремительно пошла вперед. Барону показалось, что ее худенькие плечи вздрагивают от рыданий.

– Кстати, – вдруг резко обернулась она с шаловливой улыбкой, и неожиданный порыв прохладного ветра пронесся по коридору, – у тебя сегодня назначено свидание? Наверняка назначено, тебя же хлебом не корми, дай «поприпадать» да «засвидетельствовать». Тогда не забудь передать привет моей тетушке.

Зигфрид хмыкнул. Его восхитительная невеста, донья Крессенсия дель Терра, вряд ли обрадуется такому привету.

И наконец последняя встреча, имеющая непосредственное отношение к нашей истории, происходила... А впрочем, ни место, ни время этой судьбоносной встречи широкому кругу лиц известно не было. Ибо тайная курия... Тсс... Одно известно доподлинно: Кордоба построена в скалах, скалы нависают над морем, а там, где земля соседствует с водой, ширятся сплетни, слухи и подземные ходы в равных, так сказать, пропорциях. В темной-претемной зале, в неровном свете чадящих светильников, ибо магический огонь на такие собрания не допускался, за круглым дубовым столом восседали гранды стихийных домов. Все они были убелены сединами и почтенны, похожи друг на друга так, как могут быть похожи только очень старые люди. У каждого на груди мерцала подвеска, символизирующая как стихию, так и высокий статус носителя. Фуэго, Акватико, Терра, Виенто – огонь, вода, земля, ветер. Замкнутая квадра – главная четверка королевства. Больше в зале никого не было, даже приближенных слуг, которые, подготовив все к заседанию, молча удалились ожидать окончания действия в коридоре. Не было даже стражников, коих грандам пришлось оставить там же, за плотной двустворчатой дверью. Ибо курия... Тсс...

– Ну и по какому поводу мы сегодня собрались здесь? – наконец нарушил тишину дон Акватико. – Слишком частые сборища начинают меня утомлять.

– О да, – саркастически изогнул тонкие губы дон Фуэго. – С прошлой весны... Слишком часто.

Огневик разменял недавно восьмой десяток, ему, как самому молодому из собравшихся, часто прощали мальчишескую резкость. Дон Виенто даже позволил себе улыбнуться забавной шутке.

– Ветер шепнул мне, что инициатором в этот раз выступает дом огня. Какие же важные события требуют немедленного обсуждения?

– Как всем нам прекрасно известно, время Источника истекает.

– Это очевидно, – кивнул дон Акватико. – Ослабление потоков силы, активность Кордобского провала (местные жители жалуются на потусторонний вой по ночам). Но мы, кажется, не раз это обговаривали, и все четыре дома готовы к пробуждению нового Источника. Не так ли, дон Виенто?

Гранд ветра пожевал тонкими бескровными губами.

– Да-да, новый Источник носит имя «Мать четырех ветров» и должен прийти на смену «Владычице вод», которая дарит нам магию сегодня. По древней традиции, песнь призыва должен исполнить адепт силы...

– Именно личность адепта меня интересует сейчас более всего, – перебил нетерпеливый дон Фуэго. – Дом огня хочет предложить свою кандидатуру.

– Это невозможно, – почти прошептал гранд ветра. – Традиция нерушима. Во-первых, это будет женщина, во-вторых – ветреница.

– Конечно! – саркастически искривил полные губы огневик. – Донья Лутеция Ягг, студентка Квадрилиума, наследница дома земли, при этом избранная силой ветра. А дому Фуэго придется ждать своей очереди еще шестьсот лет, не так ли?

– Именно столько, – пробормотал дон Виенто. – Ибо за водой следует ветер, за ветром земля, за землей – огонь. Так было и так будет.

– Вы понимаете, что это похоже на альянс, господа? Всем известно, что дом, которому принадлежит адепт, получает немалые преимущества в ведении внутренней политики королевства. А донья Ягг или дель Терра, как ее правильнее было бы называть, близка к двум стихийным домам.

– К трем, мой дорогой друг, – уточнил дон Акватико. – Хотел вам раньше рассказать, да все никак к слову не приходилось. Юная Лутеция в ближайшее время войдет в дом воды.

– В каком качестве?

– В качестве супруги моего сына, дона Альфонсо. – Тигриные глаза гранда воды прищурились от удовольствия. – В качестве моей невестки. У вас еще какие-нибудь вопросы, любезный дон Фуэго?

Это был решающий удар. Гранд огня смутился, но все же ответил:

– Что ж, господа, в таком случае я снимаю с себя всякую ответственность за происходящее. Дом Фуэго будет присутствовать на обряде пробуждения Источника всего лишь в качестве зрителя. Фамильный артефакт мы передадим его величеству, как и предписывает традиция.

Гранд огня хлопнул в ладоши; воцарилась тьма, а когда пламя светильников вспыхнуло вновь, тайная курия осталась втроем.

– Нелепая бравада, – пожал плечами дон Акватико. – Стоило отрываться от дел, чтобы лицеизреть представление Фуэго!

– Он всегда подозревал альянсы, тайно существующие за его спиной, – ответил дон Виенто. – Ему так верилось в заговоры, что наконец... Что скажете, дон дель Терра?

Гранд земли ничего не ответил.

Мэтр Пеньяте предавался полуденной сиесте, выстраивая па письменном столе пирамиды из дублонов, когда пламя в камине заклубилось, вспыхнуло нестерпимым фиолетовым цветом и на ковер кабинета ступил сиятельный дон Фуэго. Седина на висках гранда таинственным образом исчезла, сменившись глянцевою чернотой, а морщины, придававшие его холемому лицу вид умудренной усталости, разгладились.

– Какое счастье! – пробормотал ректор, пытаясь прикрыть золотые россыпи полами плаща. – Огромное счастье доставили вы мне своим неожиданным визитом, герцог!

– К демонам реверансы! – отмахнулся гранд огня. – Вы избавились от девчонки? Она уже убралась из Кордобы?

– К сожалению, понимаете ли... Обстоятельства сложились таким образом...

– Ты очень пожалеешь об этом, – прошипел герцог. – Знаешь, чего мне стоило пристроить тебя на это тепленькое местечко? Знаешь, сколько более достойных претендентов было на него? Пеньяте, ты мне по гроб жизни обязан!

– Я предан вам, ваше сиятельство!

– Я просил тебя о такой мелочи! Под благовидным предлогом спровадить из столицы донью Лутецию Ягг. А вместо этого...

Раздраженный гранд огня протянул руку к камину. Оттуда в его ладонь скользнул пульсирующий шар огня.

– Ты позволил себя подкупить?

– Я все исправлю, ваше сиятельство. Удалю, изгоню, уничтожу...

Фуэго сжал руку в кулак, на пол полилась огненная струйка.

– В противном случае тебе не поздоровится!

И гранд огня исчез так же внезапно, как и появился, оставив после себя подпалины на дорогом ворсистом ковре.

Глава 1

(в которой происходит беседа с наставницей, поверяются сердечные тайны и прочие девичьи глупости)

*Даже самая прекрасная девушка Франции
может дать только то, что у нее есть.*
Французская пословица

Чему не гореть, того не зажечь.
Русская пословица

Лет четыреста тому назад один грецкий колдун по имени Стагирит написал трактат о душе человеческой. И высказал он в том труде любопытную мысль, что движут нами инстинкты, со зверями нас роднящие. Желание продолжения рода, страх смерти, жажда власти – вот три пастуха, которые заставляют нас сбиваться в стаи и бороться за место под солнцем с такими же... людьми.

О чем это я? Да о магах же! Не любим мы друг друга, не любим и не доверяем. Хотя, казалось, в одной лодке плывем и негоже ее раскачивать. Ан нет! Инстинктус, ёжкин кот! Добей соперника, потому что всех много, а всего – мало, самому не хватит. А ежели не хватит, то оголодаю, отошаю и помру. И милого дружка хочу самого-самого, а лучше двух... нет, сколько получится, поэтому соперницу изведу-изничтожу. И управлять хочу всеми, самым могучим магом стать, потому как основная власть в руках магов и сосредоточена.

Звери мы, как есть звери.

Вот такие вот невеселые мысли, не иначе вызванные запоздалой жадностью, занимали меня, пока я осторожно, стараясь не шуметь, пробиралась в свою комнату. Видеть никого не хотелось, разговоры разговаривать – тем более. Зачем, зачем я ему сразу все деньги отдала? Надо было потянуть, а до времени остаток суммы под проценты в доходное дело вложить. Эх, бестолковка ты, Лутоня, задним умом крепкая. А все почему? Гонор в тебе разыграл, впечатление произвести захотелось, жадного ректора на место поставить? Ну так радуйся – все исполнила!

До жилого крыла добраться удалось без приключений, теперь следовало проявить осторожность. Обитую золотистыми листочками дверь я миновала вообще чуть не ползком. Потому что благородная мэтресса, за ней обитающая, гостей не жаловала и сторожевые сети раскидывала широко. Эмелина, соседка моя по комнате, помнится, пару седмиц тому чуть всех волос на голове не лишилась, когда прибежала сюда, переполненная праведным гневом. Такая же, переполненная, и удалилась – только скрючившись и в два раза быстрее.

Соленый морской ветер пронесся по коридору. Я замерла.

– Лутения? – звякнули золотые листочки. – В гости зайдешь?

Все-таки сработали заклинания. Бланка стояла на пороге, гостеприимно распахнув дверь. Темно-синий шелковый халат и распущенные волосы недвусмысленно свидетельствовали о том, что хозяйка до моего прихода отдыхала.

– Если пригласите, – со вздохом ответила я.

Бланке дель Соль я отказать не могла – мэтресса являлась моей университетской наставницей, ну и ко всему должок у меня перед ней был. Год назад (а кажется, что целую вечность) Бланка спасла мою непутевую жизнь, призвав ветер и не дав мне разбиться вдребезги о мраморные плиты Арадского замка.

– Приглашаю.

Комната мэтрессы от наших студенческих келий мало чем отличалась. Разве что рассчитана она была на одну постоялицу, а нам-то по двое приходится ютиться. Ну и побогаче обстановка, конечно. Парчовый балдахин над кроватью, зеркало в полстены и предмет моей зависти – гроздь тоненьких серебряных трубочек на потолочной балке. Ветряные колокольчики называются. Дзинь-дзинь, дин-дон... Себе такие же хочу. Но их вроде только за особые заслуги пользоваться разрешают. Интересно, а деньжищи, которые я сегодня на благо родного заведения отвалила, за особую заслугу считаются? А то мне от собственной щедрости никакого удовольствия.

– Выпьешь? – Бланка заправила за ухо прядку иссиня-черных волос и кивнула, указывая на стол.

– Рановато вроде, – неуверенно ответила я. Вино у мэтрессы всегда было отличное, не чета кислой водичке, которую наливают студентам по праздничным дням. – Да и на учебу мне пора.

Ветреница рассмеялась:

– Если спросят, скажешь, о будущем своем со мной беседовала, как со старшим товарищем. Так что, наливать?

– Нет, спасибо. – Я присела за стол. – О чем вы на самом деле хотели со мной поговорить?

Хозяйка запахнула халат, устроилась напротив меня, спиной к зеркалу, и щедро плеснула из бутылки в свой бокал.

– Ну разумеется, о будущем. Грязнить здешний воздух нелепой ложью было бы недопустимо.

Блестящие черные глаза серьезно уставились на меня. Я отвела взгляд. Отражение в зеркале было бледным и встревоженным. Испуганная мышка, особенно в сравнении с яркой, уверенной Бланкой.

– Судя по донесениям из восточной провинции, торговый путь перестал представлять опасность для путешественников, – заговорила Бланка, раскрывая большой шелковый веер.

– Слышала, разбойники, которые там промышляли, пропали все в одночасье, – поддержала я светскую беседу. – Сбежали, видимо, куда-то. А атамана разбойничьего альгвасилы арестовали. Слухи такие ходят...

Я теребила локон у виска, подумывая все-таки угоститься вином. Ряженки-то у почтенной мэтрессы, скорее всего, нет.

– Мужчины часто говорят тебе, что ты красивая? – Вопрос прозвучал неожиданно.

– Не часто, – правдиво ответила я. – Мне мужчины вообще что-то редко говорят. Я, можно сказать, последние шесть лун – ах, простите, месяцев – от мужчин ничего, кроме «дай списать», не слышала. Или вы не о студентах спрашиваете?

Хозяйка комнаты заразительно рассмеялась:

– Не скромничай, дитя мое! Мне одна маленькая птичка начирикала, что у тебя связь с неким молодым человеком из Нижнего города.

– А что, правилами нашего учебного заведения это запрещено? – вздернула я подбородок. Птичка, ага. У меня похожая есть – ветер называется. Таких гадостей иногда начирикает, только держись.

– Нет, что ты! Скорее приветствуется. Ведь жар страсти часто соседствует с вихрем магии. Просто я удивлена, что твои родственники не препятствуют вашему общению.

Я мысленно сосчитала до десяти, вдохнула, выдохнула...

– Мэтресса дель Соль, могу я попросить вас не поминать моих родственников всуе? А если вы имеете в виду кого-нибудь из клана Терра, к примеру, дона Филиппе Алехандро...

Если бы она не остановила меня, пара-тройка крепких словечек подпортила бы воздух Квадрилиума.

– Прекрати! Маленькая кривляка! С чего ты решила, что можешь оскорблять почтенного старца? Ты связана с доном дель Терра узами крови и будь добра проявлять уважение!

Я слегка покраснела и не на шутку обиделась. Если бы не обязательства перед наставницей, я бы ей объяснила, что в советах подобного рода не нуждаюсь.

– Теперь поговорим о ближайшем будущем, – насладившись моим безмолвным возмущением, продолжала наставница. – С тобой хочет поговорить один человек. Почему-то именно с тобой. Постарайся сегодня в первый час тьмы незаметно выбраться из здания. Наш покровитель ждет результатов.

– Мне очень жаль, но на сегодняшний вечер у меня другие планы.

– Ах, я забыла... Завтра экзамен? Позволь мне не поверить, что ты собираешься корпеть над фолиантами.

Я закусила губу. Всем и так ясно, что для виду ломаюсь. А сама не то что пойду, вприпрыжку побегу поручение выполнять. И визнаю все, что требуется, и отчет подробный составлю. Права была бабуля: беда с девкой, то есть со мной.

– Мне будет позволено удалиться?

Я встала со стула, не дожидаясь разрешения, и устремила к выходу.

– А если я пообещаю тебе рассказать нечто о том, что тебя интересует?

– Я лучше сама как-нибудь в книжках умных ответы найду, – ответила я через плечо.

– И много там написано о том, чем мы с тобой вот уже целый год тайно занимаемся?

Неужели не хочешь досконально в этом разобраться?

Я замерла. Видя мою заинтересованность, Бланка продолжала:

– Не знаю, что тебе пообещали за содействие, но существуют люди, которые могут предложить больше.

– А вам? – неуверенно спросила я, устремив взгляд на ветряные колокольцы, четыре серебряные трубочки – дзинь-дон... – Клан Виенто, дом ветра сейчас в упадке. Я слышала, вы состоите в ближнем круге, то есть являетесь прямой наследницей гранда.

Бланка хитро улынулась и отпила из бокала.

– Откровенность за откровенность, ты мне – я тебе. Что тебе было обещано?

Я пожалала плечами и рассказала.

Бланка смеялась, наверное, минуты три. Она схватила с туалетного столика веер, чтоб остудить пылающие щеки.

– Смешная, смешная девчонка! Интересно, из какого источника ты черпаешь свои оригинальные идеи?

Я обиделась и покраснела. Веера у меня при себе не было. Поэтому я просто шелкнула пальцами, призывая ветер. Стало чуть прохладнее, колокольцы беспокойно забренчали.

– Ваша очередь, донья, поведать о своем интересе.

– Если все произойдет так, как было задумано, следующей главой дома ветра станет женщина.

Я хмыкнула.

– И я даже догадываюсь какая. А вот сам дон Виенто не против, что его какая-то загадочная женщина подсигивает?

– Хочешь его об этом спросить? – Наставница отбросила веер и опять взяла бокал.

– Нет, – покачала я головой, припомнив пергаментную тонкую кожу гранда ветра, его подернутые бельмами глаза. Дон Виенто застал еще пробуждение теперешнего Источника, и прошедшие с того времени триста лет для гранда даром не прошли.

– И все же...

– На сегодня достаточно откровений. Твоя роль в этом деле не настолько велика, чтоб обсуждать с тобой стратегию.

Я обиженно засопела; такого щелчка по носу от Бланки дель Соль я не ожидала.

– Ступай! – велела наставница. – Исполни своё мелкое задание. Вечером у врат тебя будут ждать. Человек с зеленым фонарем. Не перепутаешь?

– На это мне хватит ума, – вежливо поклонилась я. – Прощайте.

– Впрочем, – проговорила ветреница, будто про себя, – если смешная рутенская девчонка дойдет до всего сама, я вполне смогу ей все рассказать.

Я осторожно закрыла дверь, прислушалась, оглянулась – и припустила по коридору. Бежала так, что пятки сверкали, уже нисколько не заботясь о том, чтоб остаться незамеченной. Времени у меня было немного. В комнату свою ворвалась, уже порядком запыхавшись. Быстро убедилась, что соседки моей нет, заперла дверь изнутри и скинула кисейную занавес с настенного зеркала.

– Могла и не торопиться, – кивнула Иравари из зазеркалья. – Мэтресса твоя сидит тихо, винишко глушит в гордом одиночестве.

– Слыхала, как она меня отбрила?

– А ты еще не привыкла, что ли? Элорийцы все высокомерные, особенно по отношению к вам, пришлым.

– Как думаешь, что она имела в виду? Ну, про смену герцога ветра?

– Да какая нам-то разница? – строго спросила Иравари. – Это их интересы, интересы четырех домов – кто там чем владеет и по какому праву. Наше дело маленькое. Вечером задание исполнишь, награду получишь – и сразу на боковую. А то ты бледненькая у меня что-то.

– Хорошо! – Я без сил опустилась в кресло. – Последи за Бланкой до вечера, ладно? Что-то на сердце неспокойно.

– Чего так? – хохотнула демоница волшебного блюдечка. – Из-за Мануэлюшки? Бланка-то уже про твои связи неподобающие разузнала?

– Мы связь эту особо не скрывали, – махнула я рукой. – Только вопрос времени был, когда о существовании кабальеро все узнают. Стратеги, ёжкин кот!

Все-таки обида на Бланку никуда не делась.

– И ладно, – согласилась Иравари. – Тем более юный кабальеро нам для денег только нужен и был. Ректор-то твой как? Проникся суммой? Я в кабинете появляться не решилась. Мало ли какую защиту там на зеркала поставили.

– А то, – фыркнула я. – Чуть сознания не лишился. Жаль, ты не видела. Глаза чуть не выпали у нашего мэтра Пеньяте. Даже Зигфриду смешно было. А господина Изиидо со счетов списывать не торопись. Он нам еще пригодится.

– Кокетка ты! – хихикнула Иравари.

– Еще какая, – не возражала я. – Слушай, я устала просто зверски. Можно я спать лягу, а ты мне вслух считаешь? Там немного, страниц двадцать всего...

– Наша новая методика подготовки к экзаменам? – Иравари уже нацепила на нос очки и пробегала глазами невидимые мне строчки. – А нормально учиться мы так и не начнем?

Я устало опустилась на кровать, одновременно распуская шнуровку платья.

– Что ж поделать, если мне скучно? Когда мечтала, как здесь окажусь да как вселенские тайны распутывать буду, все здорово было. А оказалось...

– Ладно, ладно, не оправдывайся. Все понимаю. Тем более разбитое сердечко...

– Изгоню, – пригрозила я. – Из всех зеркал повытряхиваю. Я же могу, ты знаешь.

– Знаю, знаю, – примирительно бормотала Иравари. – Ложись уже, неугомонная.

Я поправила подушку и зевнула.

– Спасибо тебе.

– Магическая война на сломе тысячелетий, – монотонно начала читать демоница, – заставившая магов всех четырех стихий объединиться и изолировать Элорию от влияния внешнего мира...

Я уснула почти сразу.

Больше всего во сне я любила переноситься сюда – на желтоватую циновку под навесом. Чтоб просто сидеть, подтянув колени к подбородку, любоваться размытым, будто акварельным пейзажем, легким туманом над поверхностью пруда. И ждать, бесконечно ждать, когда появится тот, кого я здесь когда-то оставила. Ветер покачивал кусты осоки.

– Шш-ш... Ты же любишь его... Любишь и ждешь... С детства, с самой первой встречи. Только его.

Я вытерла рукавом мокрые щеки и кивнула.

– Так скажи ему-у-у...

– Что-то он не стремится со мной разговаривать.

– Откуда ты знаешь? Может, он тоже ждет, может, спугнуть боится? Позови его, сделай первый шаг. Ну!

– Влад, – шепотом сказала я, – услышь меня, пожалуйста.

– Вот и славно, – ответил ветер, – вот и хорошо... В вопросах передачи информации...

Я рывком вынырнула из сна и вскочила с кровати. Иравари в зеркале испуганно заметалась.

– Так вот, значит, чему ты меня во сне учить вздумала! – Я подбежала к зеркалу и саданула по нему со всей мочи. – Вместо того чтобы с учебой помочь, в душу мне лезешь?

Демоница, видимо решив, что нападение – лучшая защита, заорала в ответ:

– Потому что в нормальном состоянии ты со мной ничего обсуждать не хочешь! А я тебе добра желаю!

– Не хочу я твоего добра, я покоя хочу!

– Дракона ты своего хочешь! Себе хоть не ври! Университет ей не мил, родственники элорийские не по нраву. Как собака цепная на всех бросаешься. Поэтому на честном слове от учителя к учителю и кочуешь, поэтому и не даются тебе науки.

– Изгоню! – взвизгнула я. – Видеть тебя больше не желаю!

– Только попробуй! – скрестила руки на груди Иравари. – Я тогда твоей бабушке пожалею. Вот потеха будет, когда Яга примчится тебе мозги вправлять.

Я замолчала. Кого-кого, а бабули я боялась. Не посмотрит моя родственница, что я уже взрослая, без пяти минут мэтресса и пять минут как мужняя жена (пусть и понарошку), сразу начнет розги в расколе вымачивать, еще в дороге. А уж как воочию объявится... За этот год я общалась с бабушкой всего несколько раз, с помощью зеркал. После того как мы с Иравари придумали способ учиться во сне, мои сновидения под завязку стали забиты формулами, датами и рецептами зелий, так что ни на что другое времени не оставалось. Да оно было и к лучшему, лгать или недоговаривать в полудреме получается не особо.

Я пнула табурет и разревелась.

– Ты бы обулась, прежде чем ногами махать, – ядовито пошутила демоница. – Ну не плачь, слезами горю не поможешь. Тебе еще с незнакомцем встреча сегодня предстоит. Что, вот такая зареванная и пойдешь?

– Думаешь, кого-то моя внешность интересует? – шмыгнула я носом.

– Еще как. – Иравари уже поостыла и, видимо, решила не продолжать скандала. – Я с утра по всем университетским зеркалам прошвырнулась. Много интересных бесед подслушала.

Я потянулась к умывальному кувшину, раздумывая, чего мне больше хочется – хлебнуть из него или в лицо водицей плеснуть.

– Красавчика Игоря помнишь?

Я отрицательно качнула головой и стала умываться.

– Как можно однокашников своих по именам не знать? – сокрушалась демоница. – Рыжий такой, с зелеными гляделками, букет тебе на той седмице подносил.

Я перевела взгляд на прикроватный столик, где в вазе печально увядала драконья дюжина пепельных роз.

– Начинаю припоминать. Игорь, говоришь, зовут? Странно. Мне казалось, он из Галлии, а имя какое-то совсем не галлийское.

– Он романин, – усмехнулась Иравари. – Что, сердечко не дрогнуло? Все, все, не буду подшучивать. Слушай! Игорь этот сегодня парням хвастался, что ему выпало с тобой инициацию проводить.

Я покраснела.

– Он же ветреник, как и я, наши медички не рекомендуют... ну, чтоб одной стихии...

Ёжкин кот! Ну чего это я не повзрослею никак! Почему до сих пор подобные разговоры вгоняют меня в краску? Тем более что для магов эти самые дела естественны, на манер еды, питья или сна. Что там Бланка говорила – «огонь страсти питает пламя магии».

– Короче, врет он, вот! – твердо встретила я взгляд своей подруги. – Как сивый мерин.

– И эпистолу¹ с печатью этот мерин копытом начертал?

Я фыркнула:

– Ну, значит – совет им да любовь, с эпистолой этой. Глупости какие! Даже думать об этом не буду! Игорь еще какой-то...

– Как знаешь, – подмигнула мне демоница. – Новости про Влада интересуют?

– Ты его видела?

В Арад мы с Иравари пробиться не могли, как ни старались. Все замковые зеркала были заперты и зияли чернотой. До меня доходили слухи, что у Дарины с Михаем все в порядке, как и у крошечной Ленуты, появившейся на свет погожим осенним днем. Про Дракона тоже много чего говорили. И про то, что поднял черные знамена над Шегешваром, за две луны захватив цитадель, и про то, что ведет переговоры с Лузитанским кронпринцем, требуя выдать ему мачеху, и про то, что отбил нападение Урхана у восточных рубежей своих владений. Мой несостоявшийся муж занимался своими важными делами, а я...

– Не совсем я и не совсем видела. Короче, лучше показать.

Зеркало подернулось рябью, поверхность искрила, разбрасывая во все стороны разноцветные солнечные зайчики. Я, затаив дыхание, ждала, что вот-вот мельтешение закончится и передо мной появятся самые синие в мире глаза. Раздались равномерные щелчки, фыркание лошади, раздраженный возглас всадника, мне удалось рассмотреть край серебристого шитья...

– Все! – горделиво сообщила Иравари, появляясь в зеркале. – Ну как тебе?

– Никак, – тряхнула я головой. – Что это было?

– Бусины это были, они, родимые. Помнишь, тебе в храме Трехликого ими косы украшали?

– И что? – Я помнила, но картинка понятней от этого не становилась.

– А то, что некто их все до единой собрал и теперь при себе носит. Ты можешь меня спросить, почему я раньше через них ничего рассмотреть не могла. И я тебе отвечу: они лежали где-то в темном месте – в сундуке или шкатулке. А теперь их этот некто на свет извлек.

– А почему ты решила, что именно Влад?

– Лутона, – грустно проговорила Иравари, – я прекрасно помню, с какой прической ты отправилась на свою последнюю встречу с Драконом и с какой вернулась. И если ты дашь себе труд самой подумать...

Я кивнула:

– Ну да. Он мне сам говорил, что место тайное, что никто, кроме него, там не бывает.

«Иди сюда, птица-синица. Я на твои косицы уже смотреть не могу...» – будто наяву послышалось мне. И его сильные пальцы в моих волосах, и цокот хрустальных бусин о дощатый настил...

– Чего ты притихла? – окликнула меня демоница. – Радуетесь или грустите?

¹ Эпистола – письмо, послание.

– Нечему радоваться, – пожала я плечами. – Ну, увижу я Влада, прощения у него попрошу. И за то, что без одежды неизвестно где оставила, и за то, что женила на себе без его ведома...

– Он тебя молниеносно простит, обнимет, поцелует, и будете вы жить долго и счастливо, – умильно закончила за меня Иравари.

– Зато я его не прошу, – вздернула я подбородок. – Своей вины не отрицаю, но и его до самой смерти помнить буду.

– Эх в тебе гордость элорийская бурлит, – покачала головой демоница. – И года не прошло, как из полевого цветка эдакая донья Терра получилась.

Я закусила губу, намереваясь поставить на место нахалку. Иравари же будто к чему-то прислушивалась.

– Твоя соседка с занятий возвращается. Прощай, после договорим. Без меня на встречу с таинственным незнакомцем не иди, вызова твоего ожидать буду.

Я набросила на зеркало кисейную занавесь, отперла входную дверь и завалилась на кровать.

Эмелина явилась в шлейфе густого цветочного аромата. Темный шелк платья оттеняли кружевной чепец и стихийная руна, приколотая в виде броши у самого ворота. Моя соседка, как и я, была ветреницей и так же, как и я, звезд с неба не хватала.

– Ты уже здесь? – звонко спросила она, осторожно огибая зеркало. – Невероятно!

В ответ я пробурчала нечто невразумительное и отвернулась к стене. Мое демонстративное нежелание общаться принято во внимание не было.

– Пока сюда шла, много интересного узнала. Хочешь, расскажу?

Я медленно считала про себя с закрытыми глазами.

– Во-первых, повстречался мне Игорь, и он...

– Ложь! – не выдержала я и села на кровати. – Что бы он там тебе ни поведал, все это измышления.

Эмелина сняла чепец и тряхнула рыжеватыми волосами.

– Вынуждена тебя разочаровать, моя дорогая подруга, но то, что я узнала от этого достойного во всех отношениях юноши, слишком похоже на правду. Он как раз держал путь из кабинета нашего ректора. Так что я узнала новость первой.

– Давай уж, не томи, – недовольно пробурчала я, разыскивая на полу свои туфли.

– Тебя не допускают к завтрашнему экзамену! – триумфально провозгласила она.

Интересно, чем я ей насолить успела, что она меня так ненавидит? Вроде нормально жили, без скандалов и склок.

– Причина? – Мои губы дрожали, и я закусила их, чтобы не заплакать.

– Причина, моя дорогая, в твоей несостоявшейся инициации. Один из элементов завтрашнего экзамена должен будет потребовать от адептов стихий всех сил, а ты на это пока, увы, не способна, – ядовито продолжала девушка. – Но Игорь, я уверена, поможет тебе справиться с этой бедой.

Я мотнула головой:

– Глупости! Помню, год назад тебе запретили проходить инициацию с ветреником, а доводом послужило то, что вас призвала одна и та же стихия...

Ёжкин кот! Я неожиданно прозрела. Вот она, причина ее нелюбви! Игорь этот, дракон его задери! Они же дружили первое время. Эмелина два дня тогда в подушку проревела. Потом смирилась и, если я ничего не путаю, перенесла свою нежную страсть на некоего огневика. – Так для особых магов и правила особые, – съязвила соседка. – У вас, аристократов, свои обычаи. Не правда ли, донья Терра?

А вот это она зря. У меня даже подушечки пальцев закололо от едва сдерживаемой злости.

– Ну, раз ты так говоришь, – пожала я плечами, – тогда пусть будет Игорь. Какая, в сущности, разница, кто поможет увеличить мой магический потенциал?

– Наверное, твой дедушка заплатит ему немалые деньги за помощь?

Эмелина в стремлении меня уязвить выглядела откровенно жалкой.

– Фи! – закатила я глаза в притворном возмущении. – Недостойно сводить беседу о великих таинствах инициации к меркантильным сплетням. Стыдитесь, донья Гутьеррес!

А про себя подумала, что со старого хрыча станется мне жизнь подпортить. А не отыскать ли мне этого рыжего романина да выяснить, какого лешего он задумал, по чьему наущению? И ежели за мзду какую, пусть делится, супостат. Эх, жаль, времени нет.

Я схватила с кровати свою мантилью и направилась к двери.

– Куда? – всхлипнула соседка.

– К экзамену завтрашнему готовиться, твое общество, знаешь ли, наукам не способствует.

И, оставив Эмелину в тягостных раздумьях о формах моей подготовки, я пошла в библиотеку.

По дороге обдумывая произошедший разговор, я успела проникнуться сочувствием к своей соседке и решить, что все-таки я не мешок денег, чтобы всем нравиться, и, если я не хочу никого никогда обидеть, мне лучше в подвале запереться и носа наружу не казать. Мантилью на голове я закрепила не глядя, просто воткнула гребень в прическу, поближе к затылку, и расправила на плечах тонкое кружево.

В библиотеке никого не было. Впрочем, как я и предполагала. Университетская читальня, несмотря на свой высокий статус, богатством книг не отличалась. То есть не так – книг было много; их золоченые и посеребренные корешки весело подмигивали с полок, но, по сути, добрую половину из них составляли куртуазные романы авторства нашего августейшего величества Карлоса Первого. Я как-то из интереса взяла парочку полистать на сон грядущий. Но на первом же пассаже неприлично заржала и захлопнула труд, чтоб не загреметь в кутузку за неуважение к августейшей особе. Потому что элорийский повелитель... как бы это помягче выразиться... Ну, я бы чтение его трактатов ввела в перечень наказаний для душегубцев, сразу после дыбы, но перед сожжением. Думаю, после эдаких нововведений преступность в славной Элории немедленно сошла бы на нет.

У меня при себе был крошечный шарик магического огонька – подарок Зигфрида, но активировать его я не спешила. Тайное дело было не для чужих глаз. Пахло пылью и немного мышами. Высоко над головой, у косых потолочных сводов, клубились тени, о происхождении которых задумываться не хотелось.

Осторожно прикрыв за собой дверь и пару раз моргнув, чтобы привыкнуть к темноте, я юркнула за стеллажи. Поворот, другой, третий. Слева посветлело, значит, я пробралась к окошку. Но этот выход был не для меня. Слишком он очевидный, а оттого слишком охраняемый. Я выглянула наружу. Россыпь крупных звезд переливалась в ночном небе. На привратной башенке угадывался силуэт стражника. Я отвернулась от окна, отсчитала двадцать шагов, опустила на корточки и нащупала на полу дверцу потайного лаза. Здание Квадрилиума за свою многовековую историю пережило не один штурм, так что разные потайные штуковины здесь находились в избытке. О некоторых строгое университетское начальство было осведомлено, но о многих оно даже не догадывалось. Этот ход был мой, личный, отысканный умелицей Иравари методом сравнения десятка разных планов.

Я набрала в грудь побольше воздуха и юркнула вниз. Скатилась по гладкой доске на целый этаж, потом спустилась по узенькой винтовой лестнице. Глаза начало пощипывать от запаха нечистот. Сточная труба пролежала поблизости. Я зажала рот и нос ладонью и припустила изо всех сил.

На поверхность я выбралась уже за пределами университета. Отряхнула подол платья, поправила волосы и чинно отправилась на условленную встречу, подходя к воротам с внешней стороны. На привратном пятачке клубилась тьма, да такая, что даже мое ночное зрение пасовало. Видимо, некто, не желающий быть замеченным, активировал заклинание невидимости. Я застыла, не желая идти в эту чернильную темноту.

– Донья Лутеция? – неуверенно спросил приятный баритон.

Я утвердительно чихнула. В двух шагах от меня разгорался желтоватый огонек потайного фонаря.

– Я должен завязать вам глаза, – с опаской приблизился ко мне невысокий господин в широкополой шляпе. – И пообещайте, что вы не будете считать повороты или пытаться снять повязку.

Я пожала плечами. Неужели этот мужичок думает, что, если я захочу узнать, куда он меня ведет, обещание меня остановит?

– Вы боитесь?

– Кабальеро неверно расценивает мою нерешительность, – протянула я. – Мне неведом страх.

Пальцы посыльного дрожали, когда он затягивал на моем затылке тугой узел повязки.

– Вы позволите взять вас под руку? – уточнила я, сделав пробный шаг и чудом не растянувшись на мостовой.

Он крепко обхватил мой локоть:

– Пройдемте, донья.

Шли мы минут десять. Поворотов я не считала, только слушала всякий вздор, который шептал мой приятель ветер. Потом болтун резко исчез, из чего я заключила, что меня проводят воротами одного из городских храмов. Я давно замечала, что близость Источника поглощает стихию без остатка. Скрежет ключа в замке, скрип двери. Под ногами уже не брусчатка мостовой, а деревянный настил. Затем каблучки туфелек увязли в мягком ворсе ковра, и провожатый выпустил мою руку. В абсолютной тишине мне слышалось дыхание нескольких человек и громкий стук моего сердца.

– Развяжите ей глаза, – скомандовал чуть гнусавый мужской голос.

Я тряхнула головой и зажмурилась от яркого света. Мужчина был в маске, одной из тех, длинноносых, в которые состоятельные горожане любят насыпать благовония либо защитные порошки, призванные помешать заразе, передающейся по воздуху, добраться до них.

– Можешь быть свободен, Джузеппе. – Легкий кивок в сторону проводника. – Я позову тебя, когда ты будешь нужен.

Мы остались в комнате вдвоем – я и незнакомец в маске, но я готова была поклясться, что за шелковой ширмой скрывается по меньшей мере еще один человек. Его тяжелое прерывистое дыхание не могло мне померещиться.

Я слегка прищурилась, пытаясь рассмотреть нити силы. Ничего! Я нащупала брошь. Обычно прикосновение к ветреной руне позволяло сосредоточиться. Снова неудача.

– Донья Лутеция хочет призвать ветер? – Глаза в прорезях маски, цвет которых я не могла угадать, были серьезны. – Пустое... Эти покои надежно защищены от стихий.

Сама донья в этот момент напряженно раздумывала, какого лешего она вообще ввязалась в авантюру, предложенную Бланкой. И еще у доньи поджилки тряслись от подступающего ужаса, но этот самый ужас она никому не собиралась демонстрировать. Завитушки на резных дубовых шпалерах могли с легкостью скрывать не одну дюжину смотровых глазков.

– Как говорят у меня на родине, попытка не пытка, – доверчиво сообщила я незнакомцу и, чинно расправив складки форменного платья, опустилась на предложенный стул. – А также на моей далекой родине матушки учат своих дочерей не разговаривать с незнакомцами.

Села я неудачно – на мантилью, тонкая ткань натянулась, гребень вцепился в волосы. Надеюсь, набежавшие от боли слезы послужили достойным завершающим штрихом портрета скромной сиротки.

Собеседник громко сопел, разглядывая меня со вниманием.

– Кому я обязана невыразимой приятностью общения? – Прозрачный намек граничил с дерзостью.

Кем бы ни был этот сопун, его положение в обществе явно было выше моего. Но мандражировать сейчас не время. Насколько я изучила элорийские порядки, дерзость мне простить могут, трусость – никогда. Яркий свет казался уже не таким резким. Мне удалось заметить, что из-под маски собеседника ему на грудь сбегает длинная черная борода колечками, а пальцы рук обильно украшены перстнями. Среди плоских, граненых, выпуклых камней я заметила несколько амулетов. Значит, передо мной не стихийник, а адепт какого-то иного вида магии.

– Можете звать меня маркиз, – наконец гнусаво проговорил собеседник.

Он поднялся из-за стола и подошел к камину. Я оценила богатырское телосложение нового знакомого, как и отсутствие шпаги у него на поясе.

Раздался негромкий щелчок, раздавленный маркизом огненный шарик поджег дрова. Пламя высоко взметнулось, облизывая поленья, и сразу опало, становясь ровным и домашним. Я потянула носом воздух. Пахло хорошо – кедровой смолой и немножко сандалом. Видимо, среди заготовленного дровяного шалашика чья-то заботливая рука положила пару-тройку драгоценных щепок.

– Мне рекомендовали вас, донья, как очень разумную девушку.

Я кивнула, не отрывая взгляда от ширмы. Шелковая ткань трепетала. Казалось, еще чуточку, и из-за нее появится чей-то любопытный нос.

– А мне вас – как человека, располагающего нужными мне сведениями, – поддержала я беседу.

– Причем рекомендовал человек, на чье мнение я привык полагаться.

– Внимаю вам, сударь, – поддержала я беседу. – Продолжайте. С нетерпением ожидаю оглашения имени рекомендовавшей меня особы.

– К сожалению, в данный момент я не смогу удовлетворить ваше любопытство. Могу лишь сообщить, что особа сия наблюдала за вами с должным вниманием.

– Тогда я, в свою очередь, осмелюсь предположить – разумеется, с соблюдением строжайшей тайны... Имя ее начинается на Бланка, а заканчивается на дель Соль? Что ж, первая загадка разгадана, перейдем ко второй. Вам нужна магичка для какого-нибудь не совсем законного обряда? И меня вам рекомендовали как девицу умом не обремененную, зато с лихвой одаренную любопытством?

За ширмой явственно фыркнули. Я вздрогнула и, чтоб два раза не вставать, выдернула из-под себя злосчастную мантилью. Жить сразу стало легче. Маркиз застыл, сверля меня недобрым взглядом. Глаза у него были светлыми, серыми или голубыми, и сейчас выпученными от сдерживаемого гнева.

– От обряда мне, к сожалению, придется отказаться, любезный дон. До меня доходили слухи, что большинство этих действий носят оттенок несколько срамной, то есть никак мне не подходящий. Может быть, мы с вами лучше отбросим этот древний способ ведения дел «баш на баш» и я просто заплачу вам деньгами? Назовите сумму?

Стихийницам в Элории, конечно, позволено не в пример больше, чем простым дамам, но ходила я по тонкому льду. Если маркизу не удастся обуздать гнев, он мне двумя пальцами шеи свернет. И никакой ветер не поможет, никакая Иравари... Может, зря я его дразню? Может, как-то осторожнее предложения нужно было излагать? Собеседник взял себя в руки довольно быстро.

– Вы являетесь прямой наследницей главы дома земли.

Это был не вопрос, а утверждение, поэтому я решила лишний раз не суетиться.

– Аристократическое происхождение позволяет вам вращаться в высшем свете столицы. Я расслабила плечи.

– К сожалению, вторая линия моего... гм... происхождения закрывает передо мной многие двери.

– О вашей скромности меня тоже предупредили, – после паузы сообщил маркиз. – Донья Ягт, это ваше качество нам придется отбросить.

– Каким образом?

– Просто не принимать в расчет. Нам необходимо, чтобы вы как можно быстрее были представлены ко двору.

Вот этого я совсем не ожидала.

– Даже если на минуту предположить такую возможность...

– Вы помиритеcь с дедом, и он с гордостью введет вас в общество.

– Ни за что! – вздернула я подбородок.

– Немедленно. Каким образом произойдет ваше примирение, меня мало волнует. Вы познакомитесь с нужными людьми, очаруете короля...

– Королю нашему сто лет в обед. – Незаметно для себя я перешла на простоватый мохнатовский говорок. – И прелести юных дев его волнуют меньше всего.

– Значит, вы найдете, чем его увлечь, и...

Собеседник запнулся, будто в последний раз что-то прикидывая. Я, в свою очередь, подавившись возражениями, наострила ушки.

Маркиз, заметив перемену моего настроения, не спешил. Он неторопливо проследовал за ширму и появился оттуда, неся в руке некий продолговатый предмет, в первое мгновение принятый мною за зеркало.

– Вот, полюбопытствуйте.

Я взглянула. Это был небольшой портрет, всего с ладонь величиной, выполненный масляной краской в тщательной манере элорийских живописцев.

– Вы узнаете изображенных здесь людей?

У меня закружилась голова, к глазам подступили слезы. Мужчина стоял за спиной хорошенькой дамы, приобняв ее за выглядывающее из пенных кружев плечико. Его черные как смоль волосы были небрежно отброшены за спину, ее – золотисто-медовые – забраны в высокую церемониальную прическу.

– Как видите, у меня есть что предложить вам взамен на ваши услуги.

Я вытерла глаза тыльной стороной ладони.

– Картину?

– Информацию. Как только вы доставите мне «Мать четырех ветров», я сообщу вам, где находятся ваши родители.

Я сжала виски, в которых постукивали молоточки.

– Мои родители в фамильном склепе семейства Терра. Благородный дон Филиппе Алехандро, отказавший им в помощи при жизни, позволил поместить их тела туда.

Моя рука скользнула к затылку, освобождая гребень.

– Склеп? Восхитительная нелепица! Когда вы помиритеcь с дедом, не преминьте посетить эту юдоль скорби. Думаю, вас там ждет немало открытий.

Я поднялась:

– Мне нужно о многом подумать. Я сообщу вам свое решение позднее.

Маркиз не возражал.

– Человек с потайным фонарем будет ждать у врат каждую ночь.

Я присела в поклоне, вежливо склонив голову.

– Обещаю не затягивать своих раздумий. Позволено ли мне будет напоследок кое о чем спросить?

– Конечно, драгоценная донья Ягг, вопрошайте.

– Кто находится у вас за этой ширмой?

Длинный нос маски качнулся в указанную сторону.

– Здесь?!

Маркиз весело рассмеялся и потянул на себя раму. Ширма отодвинулась. За ней обнаружился блестящий лаком комод и плетеная корзина с подстилкой, на которой с видом грецкого императора возлежала лохматая псина.

– Это Парус, – пояснил хозяин. – Он слишком стар, чтоб стоя приветствовать гостей, и слишком дорог мне, чтоб я мог выгнать его на улицу. Парус, попрощайся с доньей Ягг, она уже покидает нас.

Тяжело дышащий пес вяло тявкнул. Я покраснела. Маркиз вежливо сопроводил меня к двери, кликнул слугу, того самого Джузеппе.

– Буду ждать вашего решения, восхитительная донья. А пока позвольте передать вашему покровителю... эту вот безделицу.

Продолговатый сверток перекочевал из рук хозяина в мои.

– В конце концов, не зря же вы проделали этот путь. Надеюсь, никто из посторонних в подробности нашей беседы посвящен не будет?

«Чего это он под конец беседы так развеселился?» – подумала я, отвечая вслух нечто приличествующее случаю.

– Донья забыла свою мантилью? – спросил провожатый, надевая на меня повязку.

– Она мне давно не нравилась, – легко ответила я и пожала плечами. – В этом сезоне в моде другая длина.

К вопросам моего гардероба мы больше не возвращались. Джузеппе торжественно и молча сопроводил меня к воротам университета и, не прощаясь, растворился в ночных тенях.

Выбравшись из хитросплетений тайных ходов, я уверенно направилась в мужское крыло. Правда, по дороге пришлось отвлечься и оставить продолговатый сверток у двери с золоченым орнаментом. Без подробного отчета Бланка перетолчется, а вот без искомого предмета – вряд ли. Интересно, что же мы такое с ней по крупичкам собираем? Амулет? Может, ту самую «Мать четырех ветров»? Вот бы посмотреть на пего хоть одним глазком! Мысли были ясными и четкими. О своем аристократическом происхождении я потом подумать успею. И про родителей – тоже, и про амулеты с артефактами. А вот завтрашний экзамен – вещь неотвратимая и близкая. О нем позаботиться придется уже сейчас.

Два ряда одинаковых дверей ввели меня в недолгий ступор. Где же он живет, романин рыжий, самой медичкой Матильдой мне в супруги на одну ночь предназначенный? Здравую мысль ходить из комнаты в комнату в поисках суженого-ряженого я отмела быстро. А если испугаю кого из студентов, если стражу кликнут? Позора же не оберешься. Я прикоснулась к брошке, вызвав легкий порыв ветра. Ну давай, родимый, ты же свою стихию чувствуешь! Ветреников среди сильного пола у нас раз-два и обчелся. Вот именно что два: Игорь этот и еще один, в очках все ходит. Как его там? Данила? Вавила? Ёжкин кот! Что ж я никак своих однокашников по именам не запомню? Права, ох права Иравари! Ветер подтолкнул меня к заветной двери, из-под которой пробивался лучик света. Значит, не спят еще касатики? Мне же лучше.

Я ввалилась в помещение без стука, прерывая чинную полуночную трапезу, раздула ноздри, принохиваясь к густым винным парам, и соколиным взором осмотрела диспозицию.

– Ты! – Мой указующий перст был грозен. – Зовут как?

– Д-д... Дементий, – постукивая зубами о край чарки, ответил тот. – Дементий Стихо-плет.

– И чего, стихи пишешь? – начала остывать я.

Ветреник слегка покраснел, но утвердительно кивнул.

– Потом почитаешь. А сейчас оставь нас.

До сего момента молчавший Игорь открыл было рот.

– Ненадолго, – предвосхитила я возражения. – На половинку часика всего. Дело молодое, понимать должен.

Дементий иронично хмыкнул, но удалился, прихватив с собой какой-то манускрипт. Я перевела взгляд на Игоря.

– Ты наконец решилась? – широко улыбнулся тот, раскрывая объятия. – Ну так иди же ко мне!

– Лечу! – ответила я на улыбку и резко заехала ему кулаком в ухо.

Удачно получилось, что парень еще сидел, а то пришлось бы подпрыгивать и удар получился бы скользящий. Но так романин сомлел, завалившись на подушку, а я, вытащив из-под кровати его сундучок, а из порядком уже растрепавшейся прически серебряную шпильку, принялась орудовать ею в аккуратной прорези замка.

– Уж тогда сразу лучше ключи на трупе поискать, – саркастично посоветовала из зеркала Иравари. – Чего уж мелочиться? Разбой полумер не терпит.

– Какой труп? Типун тебе на язык, – сдула я с мокрого лица прядь волос. – И никакой это не разбой. Я интересы свои блюду. Или мне теперь всякого воздыхателя с эпистолами на дуэль вызывать прикажешь?

Демоница, на словах мои действия порицающая, следила за ними с азартным любопытством.

– Ну хорошо, благородный поединок нам не подходит. Кстати, тогда непонятно, зачем кавалер Изиидо оплатил твои занятия у двух учителей фехтования.

– Чтобы было, – кряхтя, пояснила я. Механизм, кажется, стал поддаваться. – Как говорит одна моя родственница, «знания за спиной не носить» и «все в жизни пригодится». Кстати, не твоя ли была здравая мысль – конкурентов для тренировок нанять?

Шпилька провернулась, замок щелкнул, я отбросила крышку сундучка. На пол вывалился ничем теперь не сдерживаемый ворох чулочных подвязок: простецкие веревочные, атласные, шелковые, расшитые бисером и стеклярусом. Ни одной пары я среди них не заметила. Но гораздо больше меня поразило то, что обнаружилось на самом дне сундучка. А была там ночная сорочка тонкого льна, с руной ветра у ворота и безобразной дырищей на груди, прямо напротив сердца. Когда я эту сорочку две седмицы тому назад потеряла, она была цельхонькая и даже свежестыранная. Как сейчас помню длинные рукава, прощально помахивающие мне с веревок сушильного двора, где я ее, бедняжку, оставила.

– Ничего себе тайник! – присвистнула Иравари. – Давай приводи в чувство охламона, я сама допрос вести буду.

– Не смейся, – остановила я подругу. – Не стоит сейчас раскрываться. За вызов демона Тонкого мира меня никто по головке не погладит.

– Да любой из ваших студентов, да и магов тоже, спит и видит, как кого-нибудь из нас вызывать!

– Все равно – не поощряется, – качнула головой я. – Знаешь, как дальше все раскрутится? Сначала Игорь проговорится кому-нибудь по хмельному делу. Потом ко мне этот «кто-нибудь» явится, чтоб я тебя на время ему одолжила. А потом некто третий или даже обиженный отказом второй донесут на меня ректору...

– У ректора свой демон есть! – не желала успокаиваться Иравари.

– И кто-нибудь, кроме тебя и теперь меня, об этом знает? – Подруга тяжело дышала, не желая соглашаться с моими доводами. – Мэтр Пеньяте очень-очень заинтересуется нашими с тобой делами, отсутствием кровавых приношений и другими... аспектами.

Мне самой понравилось, с какой легкостью я ввернула в разговор мудреное слово.

– Я передумала, – качнула Иравари высокой прической. Последнее время демоница для встреч со мной облачалась по элорийской моде, поэтому сегодня щеголяла в черной мантилье. – Бери все это барахло и отправляйся к ректору. Надо призвать к ответу рыжего развратника.

Тем временем сам развратник хрипло застонал. Иравари исчезла. Я повернулась к постели.

– Как вы это объясните, господин Стрэмэтуруару?

Продолжать обвинительную речь я не могла, до крайности удивленная уже тем, что в моей памяти отыскалось заковыристое прозвище студента. Надо будет Иравари похвастаться.

Изумрудно-зеленые глаза смотрели на меня с дурашливой укоризной.

– А у тебя рука-то тяжелая.

– Никто не жаловался, – ответила я, уже после удивившись, что разговор рыжий соблазнитель начал на романском. – Повторить?

– Не стоит. Я и так сделаю для тебя все, что ты захочешь.

– Многообещающее начало... – Говорить на давно, казалось, позабытом языке было приятно, я ведь когда-то считала его родным. Только на нем, мягко перекатывая горловое «р», можно было произнести «дракон» так, что сердце сладко замирало...

– Повтори, я не расслышал, – оторвал меня от грез Игорь.

– Дракон тебя подери, говорю, – надулась я. – Если ты мне немедленно не объяснишь содержимое своего сундука, жалоба отправится напрямую в кабинет ректора.

– А кому ты весточку оставила, что сюда идешь? – несколько не испугавшись, спросил рыжий. – Стихоплета можешь в расчет не брать, он сделает все, что я ему велю.

– Ну что ты как маленький? – Я прикоснулась к ветреной руне, и из-под моих пальцев рванулась бледная птица вроде тех галок, которые рисуют на полях рукописей нерадивые студенты. – У тебя ровно три минуты, потом я уже не успею ее отозвать.

Игорь колебался недолго. Расширенными от ужаса глазами он провожал плавные пируэты моей галки, кружащей у потолка.

– Что это такое?

– Я первая спросила.

– Ответ за ответ?

– Не в том ты положении, чтобы торговаться. – Но в голосе парня мне послышалось такое азартное любопытство, что устоять перед ним было невозможно. – Про портал последней надежды слыхал?

– Это такой артефакт специальный, – подбадриваемый моим благосклонным кивком, начал Игорь. – Он открывает портал в Квадрилиум только для одного мага и в самом крайнем случае.

– Когда маг при смерти, – подтвердила я.

– Ты хочешь сказать, что твоя птица и есть этот портал?

– Нет, еще нет. Портал последней надежды – артефакт штучный, в производстве сложный и долгий. И одаривают им только самых-самых...

Туманная галка попыталась просочиться в неплотно прикрытое окно, и я развеяла ее щелчком пальцев. Игоря я не боялась, в отличие от незапланированного визита в мужское крыло ректора или отряда ночной стражи. К тому же продемонстрировать собеседнику свое доверие – шаг далеко не лишний. Теперь ветреник знает, что я не беззащитна, и должен мой щедрый жест оценить.

Игорь улыбнулся:

– Я все равно ничего не понял.

– У каждого из нас, студентов, есть руна стихии. Это не просто символ, не просто украшение – это основа того, что со временем превратится в портал последней надежды. И уже

сейчас наши руны кое-что могут: помочь рассмотреть нити силы, призвать стихию... ну или поднять тревогу.

– Как предусмотрительно, – хмыкнул парень. – Значит, одарить или не одарить нас возможностью сохранить жизнь, решать будут после, но готовятся к этому уже сейчас.

– Это очень сложное колдовство, для него придется смешать лечебную магию, личную силу объекта, стихии.

– Нас этому будут скоро учить?

– Думаю, никогда, – пожалала я плечами. – Даже если мы с тобой будем знать, что да как, применить свои знания на практике не сможем. На месте наших преподавателей я бы тоже лишних телодвижений не делала.

– А если...

– Хватит пустой болтовни, – прикрикнула я на ветреника. – Немедленно отвечай, что у тебя за коллекция под кроватью обнаружилась?

Зеленые глаза воровато блеснули. Я демонстративно погладила брошь. Ниточка ветра, которую я использовала для создания тревожной птицы, была последней. Больше их в комнате не наблюдалось. Но Игорь этого, кажется, не заметил. Судя по красноватому следу на переносице парня, для этой волшбы ему нужны специальные магические очки. Помнится, когда я с Зигфридом познакомилась, он такие стекляшки повсюду за собой таскал. Теперь-то вырос мой огневик, заматерел, одним пальцем нити силы скручивать может. А через что ему для этого пришлось пройти, даже думать не хочется.

Игорь отчаянно покраснел.

– Я стрегони, – наконец произнес парень. – Знаешь, что это такое? Ай, к чему спрашивать, конечно знаешь. Ты же из наших, из горных. Я как тебя заприметил, сразу решил – славная девчонка, боевая. Я, может, всю жизнь такую искал – простую, без фанаберий². Я же ухаживал за тобой по-хорошему – цветы там, мадригалы³...

– Цветы помню, – согласилась я. – А виршей не было.

– Были. Только я их сперва Стихоплету показал, он меня на смех поднял. «В своем ли ты уме, студент Стрэмэтурару? – говорит. – Это же не просто ваша романская бродяжка в Квадрилиум учиться пожаловала, это самого дона дель Терра внучка».

Глупые мальчишки! Внучка я бабушкина и ничья больше. И знали бы вы, какая могущественная ведьма моя бабуля, в штаны бы наложили от ужаса.

– Стрегони – это романские ведьмы? – перевела я разговор.

Игорь кивнул.

– Меня мама и тетка кое-чему научили. Вот и решил тебя приворожить, раз по-хорошему ты не хотела. Тельная рубаха, птичье перо, кровь, песок...

– Погоди, – начала злиться я, подозревая подвох, – стрегони ведьмы, не ведьмаки. Ваша богиня, не помню ее прозвания, вообще мужской род не жалуется. По женской линии у вас сила передается.

– Я не знаю, почему так получилось! – чуть не плакал парень. – И никто не знает. Может, пошутила она, может, не нашла в том поколении никого достойней? Меня девчонки еще в детстве насмешками извели. Думаешь, мне приятно было с ними на шабаши летать? Да если я тебе сейчас...

– Ничего не хочу про ваши обряды знать! – прикрикнула я в ответ. – Дело ваше тайное, не для моих ушей.

² Фанаберия – кичливость, чванство.

³ Мадригал – небольшое лирическое хвалебное стихотворение, обычно посвященное даме.

– И то правда, – согласился он. – Прости, если что не так. Хотел приворожить, не получилось. Рубаху свою забирай.

– Ты от меня так просто не отделаешься, – зашипела я. – Подвязки чулочные – это, стало быть, памятки славных побед?

– От твоих тесемок я бы тоже не отказался.

Игорь нагледел прямо на глазах. А ведь недаром Иравари его красавчиком назвала.

– Держи карман шире! К слову, о карманах...

Я протянула вперед раскрытую ладонь.

– Эпистолу отдай.

– Ни за что. Я еще и ректору на тебя нажалуюсь, что ночью ко мне ворвалась.

– А я тогда ему рубаху покромсанную предъявлю и твою коллекцию любовную присоволю!

– А ректор в ведовство не верит, потому что магии суть одна – стихийная, а все остальное – дикарское невежество и поклонение глиняным болванам.

У меня от злости в глазах потемнело. Потому что учиться надо было прилежнее, донья Ягг, занятиями не манкировать. Вот тогда бы вас этот рыжий недоросль цитатками-то не отбрил, вы бы тогда знали, что ему, похабнику, ответить.

Я медленно досчитала до десяти и твердо встретила хитрый взгляд ветреника.

– В отличие от высокого начальства, я в дикарскую волшбу верю. И если ты мне эпистолу не отдашь, наговорю тебе на нос три... нет, четыре чирья. За землю, огонь, воду и связующий их ветер. Посмотрим тогда, с какой быстротой твоя чулочная коллекция пополняться будет.

Ему очень не хотелось верить, но я легко натянула на себя первую пришедшую на ум личину. Перед пергаментно-бледным Игорем сидела теперь древняя морщинистая старуха, с длинным крючковатым носом и торчащими вперед желтыми клыками.

– Бумагу! – прошамкала я. – Быстро!

Романин нагнал меня уже в коридоре, когда я величественно шествовала вдаль, в одной руке держа свою рубаху, а в другой – злополучную эпистолу.

– Лутеция, подожди!

Я крутнулась на каблуках.

– Господин Стрэмэтурару, ваша настойчивость начинает мне докучать!

«Эх, жаль, руки заняты, – подумалось отстраненно. – Эффектный жест с поисками у пояса воображаемой шпаги пришелся бы сейчас очень кстати».

– Лутоня...

Я удивленно наблюдала за его дрожащими губами.

– Отложи экзамен. Я сделаю для тебя все, что ты захочешь. Присягну под любой ложью, которую ты собираешься преподнести ректору. Только не нужно рисковать. Время терпит, в следующем году...

У меня защемило сердце.

– Не кручинься, добрый молодец, со всеми бедами справимся.

Игорь грустно улыбнулся:

– Хорошо. Раз ты так решила, так тому и быть. Только пообещай мне, что на башню пойдешь без пары.

– Это еще почему? – Я и про башню-то слышала сейчас впервые.

– Потому что твой партнер выпьет весь твой ветер.

В словах молодого человека был смысл. Ветер, связующий и мятежный, мог питать любую другую стихию. И не всегда для этого требовалось согласие адепта.

– Спасибо за совет, – кивнула я. – Тебе тоже удачи, Игорь.

Он вздрогнул, услышав свое имя, и долго глядел мне вслед.

А потом я наконец добрела до своей комнаты.

– Умаялась? – приветствовала меня зазеркальная Иравари. – Да уж, нелегкий денек был. Твоя соседка усвистала магические способности увеличивать, так что ночевать вряд ли заявится.

– Мне все равно. – Я кулем свалилась на кровать поверх стеганого одеяла. – Мне бы еще завтрашний день как-то пережить, а дальше полегче будет.

– Ну-ну, – неопределенно то ли возразила, то ли согласилась подруга. – А маркиз не простой орешек оказался.

– А Игорь вообще ведьма... – почти засыпая, поддержала я беседу. – Что? Тебе удалось что-то выведать?

– А ты когда мантилью свою в чужом доме забывала, никаких коварных планов при этом не строила?

Я улыбнулась. Мантилья, конечно, была ни при чем, все дело было в гребне, которым она крепилась в прическе. Полированные серебряные вставки в этом украшении запросто могли служить вместо крошечных зеркал, а где зеркала, там моя подруга – демонесса Тонкого мира, девушка с зеркальным именем Иравари, не имела себе равных.

– Ну и кто он, – зевнув в ладошку, тряхнула я головой, – маркиз наш?

– Шпион. И на чистую воду его вывести непросто будет.

– Ты лицо его видела?

– Да.

– Тогда не вижу препятствий. И выведем, и заведем, и, если резво обернемся, еще и выгоду кое-какую от этого получим.

– Маленькая разбойница, – беззлобно ругнулась Иравари. – Ты себе остров надумала купить?

– Ага, Элорию, – поддержала я старую шутку и сменила тему: – А «Мать четырех ветров», которую маркиз заполучить хочет, это что?

Демоница с треском развернула веер.

– Я не успела изучить вопрос досконально, дай мне еще пару часов. Спокойной ночи.

Я так широко зевнула, что чудом не вывернула челюсть.

– Сладких снов... Думаешь, то, что он про моих родителей намекал...

– Лутона, некоторые люди очень хорошо представляют себе струны, на которых можно сыграть: страсть, любовь, ненависть, пропавшие родственники – все идет в ход.

– А мне почему-то кажется...

Моя фраза повисла в пустоте. Иравари молниеносно исчезла, первой услышав скрип двери. В комнату серой тенью проскользнула Эмелина. И чтоб не стать благодарной слушательницей изложения запутанных сердечных дел доньи Гутьеррес, я притворилась спящей.

Глава 2

(в которой являются потерянные супруги и повествуется о пользе зрелищ)

*Об императоре можно судить по тому,
как танцуют во время его правления.*
Китайская пословица

Скоморохова жена всегда весела.
Русская поговорка

Полдень. Колокол на башне Ветра огласил время дюжиной звонких ударов. Половина самого суматошного дня канула в Лету, и я надеялась, что все мои сегодняшние трепыхания были не зряшными. Большая часть экзамена была позади. Я бойко ответила на десяток невыристых вопросов по магической истории, филигранно выписала все надиктованные учителем заклинания и, судя по тому, что по окончании руны на пергаменте мягко мерцали голубоватым светом, а не загорелись, ошибок не допустила.

– Ну, как дела? – поймал меня в коридоре Зигфрид.

Облачаться в форменную мантию сегодня огневик не стал. Поэтому в своем темно-синем колете выглядел как любой столичный кабальеро. Только руна огня, болтающаяся на длинной цепочке, выдавала магический статус барона фон Кляйнерманна.

– Со всеми заданиями справилась, – отрапортовала я с улыбкой. – Вот, результата жду.

– Может, мне стоит с твоими учителями переговорить?

– Была б охота ноги трудить! Я в себе уверена.

– А грустишь тогда отчего?

Я серьезно поглядела на друга.

– Зиг, вот у тебя бывает, что делаешь что-то, стараешься, жилы рвешь... А потом остановился на минуточку, дух перевести, и думаешь: «А какого лешего оно мне вообще сдалось?»

Огневик озадаченно потер переносицу кончиком пальца.

– Донья Лутеция позволит мне пригласить ее на прогулку в сад?

Я чинно присела в ответ и затрепетала ресницами.

– Вы заставляете меня краснеть, сударь...

От невинного кривляния грусть слегка померкла. Барон предложил мне руку, я покачала головой. В нашем двуличном университетском мирке прикосновения на людях не поощрялись. В конце концов, он – Зигфрид Кляйнерманн – преподаватель (хотя я, к примеру, ни разу не видела его за кафедрой), дипломированный маг и прочая, и прочая, и прочая. А я – нерадивая студентка с сомнительными манерами и постоянно прорывающимся просторечным говорком. Да и неприлично это, чтоб посторонний мужчина с девицей под руку прохаживался. Вот когда он наконец на своей Крессенсии женится, когда станет моим дядюшкой, тогда по родственному...

– Что тебя так развеселило?

Мы в этот момент как раз огибали заросший ряской пруд, поэтому я не ответила, сделав вид, что поскользнулась на влажных плитках дорожки.

– Желаешь прогуляться под кронами вековых сосен или посетим беседку? – все же подхватил мой локоток галантный кавалер. – Выбери.

– Беседка, – решила я после недолгого раздумья. – Полдень, самое время поддерживать местные традиции. Устроим сиесту.

Белоснежная мраморная ротонда возвышалась над обрывом, на самой окраине парка, и была местом часто посещаемым. Мной-то уж точно. Здесь было прохладно в самое жаркое пекло, соленый аромат близкого моря смешивался с терпким запахом сосновой смолы, а жизнь казалась легкой и приятной без зубрежки, сплетен и прочих прелестей моего теперешнего положения. А еще отсюда открывался восхитительный вид на бухту, на пенные барашки волн, над которыми в любую погоду носились полчища крикливых чаек, на зубчатые гребни утесов, на бескрайнюю, тянущуюся до самого горизонта водную гладь.

– Лутона, – серьезно проговорил Зигфрид, усаживаясь на скамью, шпага глухо брякнула, соприкоснувшись с мрамором, – я должен задать тебе очень серьезный вопрос.

– Задавай. – Улыбаясь, я ловила губами соленые поцелуи ветра.

– Что тебя связывает с Мануэлем Изиидо?

Я, не открывая глаз, покачала головой:

– Зиг, мы же с тобой договаривались: в душу друг другу не лезть.

– Он довольно загадочный персонаж, – продолжал меж тем настойчивый огневик. – Молоденький дворянчик, чье состояние составляли поначалу лишь конь пегой масти да шляпа с пером, за год разбогател и приобрел кое-каких покровителей при дворе. Настолько разбогател, что вызвал интерес у руководства университета.

– И что? – Я наконец соизволила открыть глаза и посмотреть на собеседника со всей доступной строгостью. – Тебя родители не учили в чужой мошне деньги не считать?

– И знаешь, что любопытно? – Зигфрид не захотел втягиваться в перебранку. – Неожиданный взлет благородного кабальеро совпал с появлением в Кордобе некой юной особы...

– Зиг, – изобразила я недоумение, – со мной в наш достославный университет еще два десятка человек прибыло.

– Не юли! Тебя постоянно видят в трактире, комнату в котором снимает Изиидо, ты распоряжаешься огромными суммами, которыми, видимо, он тебя снабжает. Скажи мне, вы любовники? Поэтому ты отказалась от всех предложений инициации, поэтому ты не боишься сегодня взойти на башню?

Я вскочила со скамьи:

– Барон! Вы оскорбляете меня!

– И что? – ухмыльнулся огневик. – Ты потребуешь сатисфакции? Может быть, в Элории найдется хоть один мужчина, согласный вступить за твою честь? Ах да, господин Изиидо, наверное, мог бы... Пошлем за ним?

Ёжкин кот! Да если бы сейчас при мне была шпага, даже не та, которая в плотной льняной обмотке хранится у меня под кроватью, а самая завалящая, уши барона уже украшали бы его же колет. Потому что как фехтует мэтр Кляйнерманн, я видела, и зрелище это на меня впечатления не произвело.

– Лутона, – шепнул ветер, – Лутона-а-а-а...

Значит, кто-то обо мне что-то говорит, и ветреный дружок спешит сообщить об этом. Потом я услышала несколько обидных словечек, произнесенных шуршащим баритоном Игоря, а потом... Просто разревелась, бессильно опустившись на скамью.

– Не плачь, – обнял меня Зигфрид. – Прости, пожалуйста, я не хотел тебя обидеть.

– Не хоте-эл, – всхлипнула я. – А сам...

– Девочка моя, я очень встревожен. Твои странные знакомства за стенами университета привлекают внимание очень влиятельных особ. Если бы ты помирилась с дедом, я мог бы быть спокоен за твое будущее. Клан Терра смог бы тебя защитить от всех невзгод.

– Клан Терра отрекся от моих родителей, когда им требовалась помощь. Они умерли из-за того, что дон Филиппе Алехандро отказал им в крове.

– Это тебе бабушка сказала?

– Ты хочешь обвинить ее во лжи? – опять попыталась вскочить я.

Зигфрид мягко, но настойчиво меня удержал. Я прислонилась виском к его груди и закрыла глаза.

– Я понимаю, что там дело было темное. Война, моровое поветрие, голод. Я читала, тогда в Кордобе больше половины населения полегло, но он же мог помочь! Дед! Какой он мне дед? Так, дядька какой-то посторонний.

– Может, тебе стоило ему сначала наедине свои соображения изложить, а не на торжественном приеме в лицо плевать?

– Если ты хочешь со мной окончательно поссориться, так и скажи.

Огневик не ответил, продолжая гладить меня по голове.

– Зиг, я же везде про своих родителей сведения искала – и расспрашивала, и Иравари кучу документов перерыла...

– Ну, как твоя демонесса умеет информацию добывать, я осведомлен. А также о качестве этой самой информации.

– Она, конечно, не идеальна, – согласилась я, – но архивы клана Терра уже, наверное, на зубок знает.

– Поговори с дедом.

– Не обещаю.

– И второе: про Мануэля Изиидо забудь. Это очень неподходящее для тебя знакомство, неподходящее и опасное.

Я неожиданно зевнула. Все-таки послеобеденный сон неглупые люди придумали. Неплохо было бы сейчас часок-другой подремать. Конечно, если бы еще поесть перед этим получилось.

– Забуду, честно забуду. Через седмицу наверняка, а через две – как пить дать.

Нежиться в сильных мужских объятиях было приятно, я откинула голову, прислонившись затылком к шершавой ткани колета.

– Зиг, а ты знаешь что-нибудь про «Мать четырех ветров»?

– Это что еще такое? – сонно переспросил огневик. – Какое-то стихийное заклинание?

– Мне кажется, скорее, некий предмет, возможно – артефакт. В одном разговоре недавно всплыло, а я уточнить не успела.

– Хочешь, чтобы я расспросил ректора или посмотрел в тайном архиве?

– Ты меня очень этим обяжешь.

– Маленькая интриганка.

– Бесстыжий льстец...

Издали донеслись два колокольных удара, потом еще два.

– Мне пора, – прошептал Зигфрид. – С сожалением вынужден признать, драгоценная донья, что наша прогулка подходит к концу.

– Ты иди, мне еще хочется здесь побыть. – Я с неохотой высвободилась из его длинных рук. – Все равно еще часа два результатов дожидаться.

– Хочешь, я закажу для тебя в канцелярии разрешение на свободный вечер? В городе появился известный кукольник, и сегодня он будет выступать на площади Розы.

– Было бы неплохо, – оживилась я. – Куклы какие, перчаточные? Ну, их еще здесь бура-тини называют.

– Не интересовался такими тонкостями, – пожал плечами огневик. – Вот вечером и посмотрим. Договорились?

Я широко улыбнулась и кивнула, а потом долго провожала взглядом сутуловатую фигуру, неспешно спускающуюся с холма.

– ...Кляйнерманн все так же норовит залезть под каждый каблук, попадающий в поле его слабого зрения.

Тягучая интонация, мед и сталь. Я резко развернулась, чтобы, как в пропасть, рухнуть в синюю глубину его глаз. Манящих, пугающих, родных, но таких холодных сейчас. Сказочный Кашей, мой разлюбленный фальшивый супруг – валашский господарь Влад по прозвищу Дракон с безмятежным видом сидел на лавке, где только минуту назад я, обнявшись, беседовала с Зигфридом. Господарь выглядел свежим, будто только что выбрался из прохладной купели. На отросших ниже плеч волосах блестели капельки воды. И все так же остры были его скулы и причудливо изогнуты брови и тверды очертания губ, которые, я помнила, так приятно было целовать. Кружевная белая сорочка с широким воротом открывала ключицы, темные штаны заправлены в короткие мягкие сапоги. Ни плаща, ни шпаги, будто не в горячей Элории мы с ним повстречались, а на полонине, на горном пастбище, собрались овец выпасать.

Покраснела я отчаянно. Мне почему-то стало стыдно и за свои вольности с бароном, и за кокетство неуместное. А еще за то, что в последнюю нашу встречу с Владом я оставила его одного, беспомощного, беззащитного и – ох-хо-хонюшки! – нагишом. А когда я в своих воспоминаниях дошла до того места, где вот этого самого господаря без его ведома на себе женила, смерть мне показалась не слишком строгим наказанием.

– Ты... вы... Какими судьбами?

– О, это непростой вопрос, – улыбнулся господарь уголком губ; от его кривоватой усмешки веяло холодом. – Дороги судьбы извилисты и мне неподвластны. О них скорее можете поведать вы, сударыня.

Ах, значит, «сударыня»! Значит, с ходу меня тут никто прощать не собирается? Не очень-то и хотелось, ёжкин кот! Я вздернула подбородок.

– Не соблаговолите ли уточнить, князь?

Вот так вот! Чтоб не думал лишнего, чтоб неповадно... чтоб впредь...

А слезы все равно солоно булькают в гортани, и зрение затуманилось. Ох, беда с девкой, то есть со мной. И хорошо-то мне было как без господаря, тихо, а явился, как гром среди ясного неба, покой мне порушил.

– Макошь, плетельщица судеб, которая с некоторых пор приходится вам родственницей, дергает за ниточки. Уточните у нее.

– Всенепременно, – ответила я равнодушно. – Я, пожалуй, по-другому сформулирую вопрос...

Неужели Влад прав и бабушка принимает постоянное участие в моей судьбе? Сомнительно это. Мы же с ней и видимся очень редко, и все как-то урывками. Да и Макошь, она Макошь и есть. Сидит себе где-то далеко на кисельных берегах, в молочных реках свою дородную красоту рассматривает. А бабушка – в Мохнатовке – травками да заговорами селян пользует. А вдруг... Продолжать эту мысль было неприятно, у меня даже голова закружилась от дурного предчувствия.

– Что тебе надо, Влад? – устало спросила я и присела на лавку, теперь хоть не нужно было смотреть на него в упор. – Редкое заклинание, древний артефакт, могучий маг, которого я, по твоему замыслу, должна найти и уничтожить?

Он фыркнул и осторожно взял мою руку ледяными пальцами.

– Мне очень жаль, птица-синица, но уже ничего не имеет значения.

– А у меня экзамен сегодня, – всхлипнула я. – И на башню скоро придется идти, на самую высокую в Кордобе. И, если верить слухам, еще и прыгать с нее принудят. А если я ветер не укрошу, если расшибусь насмерть? Ты хоть слезинку по мне уронишь? Или это тоже «не имеет значения»?

– Сегодня никто не поднимется на башню Ветра, никто...

В следующее мгновение господарь рассыпался мириадами брызг. На мозаичном полу беседки осталась только лужа, которая очень быстро подсыхала под жарким элорийским солнцем.

Четыре часа пополудни. От духоты не спасал даже ветренный поток, пущенный мною по кругу у самого потолка.

– Это не мог быть Дракон! – в тысячный раз повторяла Иравари, с тревогой наблюдающая за моими метаниями. – Ты просто очень хотела его увидеть, тебя разморило от жары.

– Ага. И я для потехи создала простецкого водяного голема!

– Скорее инкуба, – пожала плечами подруга. – Все потому, что женская сила в тебе бурлит. Послушалась бы меня тогда в Араде, сейчас была бы спокойна, как слон.

– Ты живых элэфантов хоть видела? – сварливо спросила я. – А я видела, три седмицы тому лицедеи приезжали. Так вот...

Эмелина вошла без стука, заставив Иравари замереть в потешной позе и пятиться на цыпочках за пределы видимости. Донья Гутьеррес едва сдерживала возбуждение.

– Всем было велено собраться в общей зале!

– И ты потрудилась подняться по крутой лестнице только для того, чтоб это мне сообщить? Благодарю!

– Мне было нетрудно, – шаловливо ответила ветреница. – Ректор решил поздравить нас с первым серьезным испытанием, и прислуга накрыла обед в комнатах, так что мы премило проводили время в соседнем крыле. Игорь передавал тебе...

Я сделала резкий шаг вперед. Эмелина взвизгнула и отскочила, так что я без помех смогла набросить шифоновое покрывало на зеркало.

– Так что Игорь? – спокойно обернулась я к соседке.

Та нервически вздрогнула и раскрыла веер. Ее пылающие щеки слегка подергивались, как при тике. Я, решив, что остудить эдакий пожар жалкими взмахами кружевного опахала – дело безнадежное, изменила направление своей потолочной бури. Совсем другой коленкор! Правда, тик никуда не делся, а даже несколько усилился, также поплыли черты лица, растянулся рот от уха до уха, пошла волнами шея, складываясь в некое подобие отвратительного жабо под подбородком. «Ёжкин кот! Я же сейчас ее надую!» – спохватилась я и щелкнула пальцами. Ветер с шепелявым хохотом исчез, видимо новая забава пришлась ему по вкусу. Представляю, сколько ни в чем не повинных прохожих подвергнется на улицах Кордобы подобной экзекуции.

– Так Игорь-то что? – повторила я вопрос. – Рассказывал в лицах, как я к нему в опочивальню этой ночью пробиралась?

Эмелина без сил рухнула на кровать.

– Может, еще подвязку какую демонстрировал? Мою, я уверена, что мою. И также уверена, что если я сейчас свой ящик с нижним бельем выверну, то одной точно недосчитаюсь!

– Лутеция, мне непонятна твоя агрессивность. Игорь достойный молодой человек, и я уверена, даже если между вами и произошли те невообразимые вещи, о которых ты мне только что поведала, нас бы он в них посвящать не стал.

И тут мне стало стыдно. В который раз за день, между прочим.

– Извини, – покаянно произнесла я, присаживаясь рядышком с соседкой и протягивая ей кружевной носовичок. – Я последнее время сама не своя.

– Заметно, – надула губки Эмелина, но платок приняла. – Кстати, раз у нас спокойный диалог завязался, может, поделишься подробностями? Уж не ты ли виновница ужасного кровоподтека, украшающего скулу нашего коллеги?

Я растерянно пожала плечами. Кто кого разукрасил? Какого коллеги? Игоря? Так не я, точно. Мы когда прощались, он жив-здоров был. Разве что синяк от уха перетек, но это было бы чудо, магии недоступное. Да и поделом ему, ведьме романской, за те обидные слова, которые мне ветер донес.

– Ну, раз ты предпочитаешь отмалчиваться, – разочарованно хмыкнула соседка, – предлагаю отправиться к месту общего сбора.

И тут нас тряхнуло. Пол заходил ходуном, жалобно тренькнули оконные стекла.

– Я здесь побуду, – сообщила я из-под стола, когда толчки, коих я насчитала не меньше дюжины, утихли. – У меня, предположим... неодолимый приступ мигрени.

– И у меня! – Растрепанная головка доньи Гутьеррес показалась на мгновение и скрылась под моей кроватью.

Мы немного помолчали, оставаясь каждая в своем укрытии.

– Говорят, что, когда сильные трясения земли происходят, – решила поделиться я знаниями, – нужно не в помещениях отсиживаться, а на открытое место выбираться. Потому как тяжелые каменные строения при разрушении и придавить могут.

– А у нас первым делом якоря поднимают, – поддержала разговор Эмелина. – Большой прилив, который сразу за тряской идет, – штука для кораблей опасная.

Моя соседка была родом из Гесперии, славной как своими судами, так и свирепыми абордажными командами, эти самые суда пользующимися.

– А ты кем собираешься стать, когда университет закончишь? – Я легла на живот и положила подбородок на сложенные руки. Теперь для того, чтобы вытащить меня из-под стола, понадобилась бы конная тяга. – Мне вот сегодня в голову пришло, что я о будущем даже не задумывалась.

– У меня все просто, – ответила Эмелина. – Семейное дело продолжу, батюшка ждет не дождется, когда к нему в команду настоящая мэтресса пожалует. Он так возрадовался, когда у меня дар открылся, что никаких денег на обучение не пожалел.

– Для тебя это завидная доля – всю жизнь для кого-то паруса надувать?

– Вам, сухопутным, не понять, – кажется, обиделась соседка. – Море – это больше чем жизнь, больше чем судьба...

В коридоре что-то грохнуло, кажется, свалилась потолочная балка. Я подбежала к двери и изо всех сил ее толкнула. Ёжкин кот!

– Есть кто живой?

Голос доносился из окна, и уже через мгновение в нашу комнату ввалился потрепанный Игорь.

Восемь. Вечер все того же бесконечного дня. Колокол на башне Ветра ничего такого не отбивал, а примерное время я уточнила у молоденького стражника, который с рвением первогогодка проверял мои отпускные документы. Выбираться наружу официальным путем, а не таясь и путаясь в лабиринте сточных труб, было непривычно. Зиг не подвел – разрешение на прогулку за пределами Квадрилиума ждало меня в канцелярии. Со всеми полагающимися подписями и даже сургучной печатью, на коей символически изображались все четыре факультета, сиречь стихии. Огненная саламандра, припадающая к земле на фоне перевернутого треугольника, держала в лапе кубок, олицетворяющий воду, а жирный эллипс, в который заключалась картинка, был ветром. Ну или вроде этого.

– Все в порядке, – с сожалением сообщил мне стражник. – Мэтресса Ягг, прошу вас.

Но, вопреки ожиданиям, дорогу мне не уступил, а продолжал смотреть с какой-то мальчишеской обидой. Я в сотый раз, пытаюсь не трясти головой, расправила на плечах кружево новой мантильи и вопросительно приподняла брови.

– Говорят, университет с землей сровняло? – несмело спросил вояка.

Ах вот в чем дело! Я улыбнулась с облегчением. Мальчик торчит здесь, у западных ворот, и ему ничегошеньки не видно, что там, в самом сердце Квадрилиума, происходит.

– Тряхнуло знатно, – с готовностью ответила я. – Внутренние перекрытия в нескольких корпусах порушило, только уже почти все починили. Маги, знаешь ли, ценят комфорт.

– Говорят, студенты из окон так и сыпались, как перезрелые мандарины.

Я важно кивнула, борясь с желанием потереть ноющее плечо. Потому что перезревшие мандарины, плохо призывающие ветер, приземляются на брусчатую дорожку с некоторым членовредительством. А что нам еще оставалось делать? Смерти своей дожидаться или спасателей? Это теперь мне уже ясно, что лучше было бы переждать. Здоровее бы были. А тогда обуяло меня чувство, названное по имени одного греческого бога, паника то есть, вот я и скомандовала – прыгать. Высоко, далеко, страшно. Эх, двум смертям не бывать, одной не миновать! Невероятно послушный и предупредительный Игорь мое начинание с готовностью поддержал и даже вытащил из-под кровати упирающуюся всеми конечностями донью Гутьеррес. Эмелина, когда сообразила, кто ее домогается, не преминула упасть в картинный обморок. И соизволила очнуться от него, когда мы вдвоем уже летели вниз. Как же она орала, ёжкий кот! Кажется, обрушение западной мансарды теперь на ее, Эмелининой, совести.

– А что говорят? Что послужило причиной?

Я важно пожала плечами. О причинах нам никто сообщить не удосужился.

– Будьте осторожны, донья Ягг, – наконец уступил мне дорогу служивый. – В Нижнем городе неспокойно.

Я чинно семенила к калитке, опять поправив мантилью. Черепаховый гребень, одолженный мне ставшей невероятно предупредительной Эмелиной, был воистину огромен. Опасения, что шея моя не выдержит и надломится под его тяжестью, были не лишены оснований. Но отказаться от столь неудобной обновки я никак не могла. Эмелина с такой гордостью рассказывала, как ее героический папаша охотился в восточных морях на плотоядную черепаху-людоеда, чей панцирь и послужил материалом для украшения, что обидеть соседку просто язык не повернулся. Вот теперь и приходится ходить очень-очень прямо, как будто я элорийская селянка, несущая на голове кувшин с вином, или, наоборот, северный олень, изнемогающий под тяжестью ветвистых рогов, или...

Звякнул засов на калитке за моей спиной. А времени-то не особо много. Зигфрид уже ждет у башни Ветра, а у меня еще денежный интерес в Нижнем городе. Ну да ладно, барону придется немного поскучать без своей подруги. Я решительно сдернула с головы мантилью, вызвав недовольное шипение проходившей мимо почтенной матроны, и припустила в направлении гавани. Нижний город, таверна «Три танцующих свиньи». Мануэль Изиидо, я спешу к вам!

В трактире было душно и темно. После яркого закатного солнца мне пришлось долго моргать, пока глаза привыкали к перемене освещения.

– Что там, стоит Кордоба? – хрипло спросил трактирщик, выглядывая из-за стойки, будто рак-отшельник. – Или конец ей пришел?

– Стоит и еще сто лет стоять будет! – громко ответила я, разгоняя царящий в пустом помещении сонный морок. – А у вас, как я погляжу, негусто сегодня с посетителями?

– Боятся. Как трясение закончилось, все по своим домам разбежались. Твой этот, недоучка, тоже сбежал, с рассветом.

– Мануэль? – недоверчиво подняла я брови. – Куда?

– А мне это неизвестно. – Трактирщик, кряхтя, выбрался из-за стойки. – Со вчерашнего дня его никто не видел. А может, и с позавчерашнего... И вообще, я к нему в няньки не нанимался.

Мне вспомнилось, что прозвище у хозяина неприятное – Плевок, и сам он сейчас был похож на комок слизи – потный, жирный. И рожа его багровела самым неприятным образом.

– Это у тебя спрашивать надо, где твой милый друг обретается. И главное, в такой важный момент, когда маги в очередной раз что-то напутали, когда такой удачный переполох в городе случился...

Плевков колыхнул необъятным пузом, делая шаг ко мне. Я попятилась. Трактирщик, заметив мою растерянность, растянул лягушачий рот в гнусной ухмылке.

– А денежки-то он забрать не успел! Точно не успел, я бы заметил, почувствовал.

– Счастливо оставаться, – бодренько сообщила я, решив, что с меня хватит, и крутнулась на каблуках, с намерением выскочить за дверь.

Нос мой уткнулся в нагрудник из буйволово́й кожи.

– Куда, птичка? – глумливо протянул обладатель доспеха. – Муэрто будет осторожен, он всегда осторожен с птичками вроде тебя.

Острые даги, опасно покачивающееся у моего лица, несколько противоречило ласковым словам. Где-то в глубине трактира возбужденно дышал Плевков, мне это совсем не нравилось. Муэрто? Бретер? Наемный убийца? Моей магии они не боятся, видимо, где-то активирован ограничивающий амулет. Да и ветер, если уж начистоту, не особо боевая стихия. Если бы можно было сейчас подхватить пару-тройку нитей силы и улететь к лешему из этого паучьего логова!

Правой руки соперника мне видно не было, скорее всего, в ней шпага, а это значит, что времени на раздумья у меня не осталось. Я отшатнулась, вызвав придушенный смехок трактирщика. Кошачьи глаза Муэрто недобро блеснули из-под шляпы, кинжал описал полукруг, чуть не чиркнув меня по носу. Я присела, выбрасывая руку вперед и вверх. Два острейших черепаховых зубца вошли в тело точно под край кожаного нагрудника. Убийца завизжал, как свинья под ножом мясника, я упала и едва успела откатиться от змеиного удара шпаги.

– Ты пыталась оскопить меня, тварь!

Что я могла на это ответить? «Простите, дяденька?» Так вроде не за что. Все как планировала, так и получилось. Надо будет посоветовать бретеру в следующий раз нагрудник подлиннее подбирать или защиту от ударов снизу освоить. Чего ж он визжит так, ёжкин кот?

В верхке от моей головы с хрустом разломился табурет. Это напомнил о своем существовании трактирщик. Я, даже не пытаясь подняться на ноги, бросилась к стойке. Под руку скользнула случайная нить ветра, и я дернула изо всех сил. По-совиному ухнуло в трубе, соперники мои на мгновение отвлеклись, я перекатилась под защиту столешницы. Уфф... Можно было перевести дух. По руке текло что-то липкое, я присмотрелась и брезгливо отбросила окровавленный гребень. Второй раз никто меня на расстояние удара не подпустит.

Муэрто корчился на полу. Плевков попытался зайти справа, я швырнула в него тарелку и с ужасом подумала, что прорываться надо было в другом направлении – к двери. Из-за толстой доски, за которой я оказалась, было бы здорово отбиваться огненными шарами или еще какими заклинаниями. А у меня из оружия только стопка не очень чистой посуды.

– Где деньги, девка? – шипел трактирщик.

– А вот они! Подавись! – звонко отвечала я, продолжая кидаться тарелками.

Блюда были кособокими, деревянными, плохо отскобленными, но на точности попадания это никак не отражалось. Трактирщик дважды схлопотал по лоснящейся роже, увернулся, пополз, припадая к полу. Расстояние между нами неуклонно сокращалось. Я глубоко вздохнула, готовясь заорать во всю силу легких, и беззвучно выдохнула. Чего я так испугалась? Единственный в этой комнате боец ранен и опасности не представляет, гора жира, которая приближается ко мне, не вооружена даже кухонным ножом. Полноте, донья Ягг, пора бы уже научиться свои силы рассчитывать. Я уверенно пошла к лестнице, в комнате господина Изиидо у меня было еще небольшое дельце.

– Именем короля!

В трактир, недолго повозившись в узких дверях, ввалилась четверка городской стражи. Трактирщик посветлел лицом, из чего я сделала вывод, что блюстители порядка свои, прикормленные.

– Ваш постоялец Мануэль Изиидо, – сообщил капитан, одежда которого отличалась некоторым щегольством, – арестован. Соболаговолите сопроводить нас к нему.

Я рассеянно огляделась в поисках путей отступления, заметив мимоходом, что раненый Муэрто исчез, оставив после себя только бурое пятно на пыльном полу.

– Господин капитан, – лебезил тем временем Плевок, – нету вашего студентика, сбежал. И куда – вам не подскажу, но тут вот... подружничка... магичка...

Я бесстрашно встретила взгляд прозрачных глаз капитана.

– Донья?..

– Прошу! – Карманов в моем форменном платье предусмотрено не было, поэтому извлеченный из рукава пропуск был слегка измят.

– Я имею честь беседовать с доньей Лутецией Ягг? – почтительно снял шляпу капитан.

Я достала из другого рукава кусочек кружева (сколько у меня там еще всякого полезного припрятано, даже Царевне-лягушке не снилось) и набросила на голову прозрачную ткань. Девушке подобает скромность, тем более в такой щекотливой ситуации.

– Мэтр Кляйнерманн ожидает вас на площади. Прикажете сопроводить?

Капитан был долговяз и длиннорук, его заливчатские усы от уха до уха, видимо являющиеся гордостью своего хозяина, хищно дрожали, пока я всесторонне обдумывала ответ. Вернуться сюда я успею и после... А Зигфрид-то, каков жук! Ожидает он меня! Стражу прислал!

Я отчаянно покраснела, борясь с досадой. Капитан в пятисотый, кажется, раз подкрутил усы.

– Да, конечно, сударь. Буду вам очень признательна...

Мое платье было замарано кровью, пылью, паутиной и прочим мусором, которым обычно можно замараться, если валяться на грязном трактирном полу. Из вечерних теней, красноватых отблесков пламени и всего, на что падал мой пытливый взор, я сплетала простенький морок, пока капитан наскоро отдавал распоряжения стражникам. Из покосившихся дверей трактира на брусчатую кордобскую мостовую ступила не забияка-драчуня Лутоня, а благородная студентка Лутеция Ягг – девушка скромная, опрятно одетая и втайне одержимая стремлением встретиться как можно быстрее с разлюбезным бароном фон Кляйнерманном и задать означенному барону... пару вопросов. Ах нет, просто задать.

Капитан, витиеватое представление которого я пропустила мимо ушей и имени поэтому не запомнила, пытался развлечь меня светской беседой. После разговора о погоде, в котором я принимала посильное участие в виде хмыканья и поддакивания, мой провожатый решил осведомиться у меня о слепополуденном происшествии.

– К сожалению, мне нечего вам поведать, сударь, – вежливо отвечала я. – Землетрясение для студентов стало такой же неожиданностью, как и для всех жителей Кордобы. По словам нашего почтенного ректора, мэтра Пеньяте, мы имеем дело с редким природным явлением.

– О, великолепная донья, – недоверчиво протянул вояка, – вы, видимо, недавно в Элории и не застали... Вот, помнится...

В другой раз я бы послушала местные сплетни с превеликим удовольствием. Мы неспешно обогнули стену, отделяющую Верхний город, и оказались на площади. Я замерла, прижав руки к груди. Башня Ветра кренилась по направлению к гавани, угрожающе нависая над фланирующей толпой. Кордобцы, видимо привычные ко всяческого рода катаклизмам, воспринимали изменение архитектурного ансамбля с абсолютным спокойствием. Десяток рабочих суеились вокруг строения, укрепляя фундамент и устанавливая деревянные подпорки под покосившейся стеной. Отряд городской стражи безуспешно пытался отогнать любопытных, а также растащить дерущихся за лучшее место для мольберта площадных художников. Да, мой странно явившийся супруг оказался прав, на башню Ветра сегодня никто не поднимется, а может, и не только сегодня...

– Лутоня! – радостный возглас Зигфрида вырвал меня из оцепенения. – Лутоня-а-а!

Капитан изящно поклонился.

– О великолепнейшая донья Ягт, моя миссия подошла к концу. Вот ваш учитель.

– Да, благодарю, – рассеянно отвечала я, наблюдая, как через площадь, с грацией кузне-
чика-переростка, к нам спешит барон.

– Если когда-нибудь, да пребудет с вами навеки сила Источника, благородной донье пона-
добится моя помощь, вы сможете осведомиться обо мне в казармах. Капитан Альфонсо ди
Сааведра всегда к вашим услугам.

Я поблагодарила уже искренне. Уж не знаю, чем приглянулась я бравому вояке, но обе-
щание его я оценила высоко. Не принято в Элории просто так подобными словами разбра-
сываться. Упоминание Источника придавало вежливой формулировке оттенок магической
клятвы. А с магией у нас не шутят.

Капитан еще раз кивнул на прощанье и пошел прочь. Я нацепила на лицо самое строгое
выражение:

– Соблаговолите объясниться, мэтр Кляйнерманн!

Серые глаза воровато забежали.

– И в чем я на этот раз провинился?

Я сдвинула брови.

– Давайте вместе подумаем над этим вселенским вопросом. Может быть, в том, что
отправили по моему следу отряд стражи? Или в том, что шпионите за мной? Или, может, все
дело в недоверии, которого я вовсе не достойна?

Пока я произносила свою гневную тираду, посетила меня некая простецкая мысль: «А
какого... То есть по какому праву я тут ноздри раздуваю? Зигфрид мне вообще кто? Кум, брат,
сват? То есть родственник или опекун? Нет! Он мой друг, пожалуй, единственный в этом мире.
Так почему я, требуя доверия с его стороны, сама ему не доверяю?»

Размышления эти меня несколько отрезвили, поэтому я смолкла буквально на полуслове.

– Я по своим делам посещал некое официальное заведение, которое по счастливой слу-
чайности находится около казарм, – разбил неожиданно повисшую тишину огневик, – и попро-
сил капитана ди Сааведра, если он во время выполнения своей миссии встретит мою подругу,
которой было строго запрещено посещать подозрительные места Нижнего города...

Запрещено мне было! Кажется, я слишком быстро кое-кого простила! Заведения он посе-
щал! А что там у нас около казарм? Тюрьма да дом веселый. А в доме том веселом обитают
развеселые девицы, холеные да нарядные. Мне-то до вкусов Зигфрида дела нет. Просто инте-
ресно, Крессенсия его разлюбезная как на эти «официальные визиты» посмотрит, если про-
знает?

Я фыркнула. Зигфрид строго посмотрел на меня:

– Зачем ты отправилась к Мануэлю? Предупредить его об опасности?

– Давай договоримся: ты не спрашиваешь меня зачем, а я не интересуюсь, как называется
заведение, которое ты посещал.

Судя по быстро последовавшему согласию, мои подозрения оснований были отнюдь не
лишены.

– Ну что, желаешь посмотреть представление? – подал мне руку огневик.

– Еще бы!

Ничем не закрепленное кружево поминутно сползало с головы, я завязала его под под-
бородком на манер деревенского платя. Мне Эмелина как-то рассказывала, что мантильи ввел
в обиход прадедушка теперешнего нашего величества. И сперва их должны были носить те
самые девы гулящие – ну, чтоб их сразу заметно было. Но кружева оказались так прелестны,
что столичные модницы одна за другой, презрев приличия, начали их пользоваться. Сейчас уже
ни одна благонравная дама с непокрытой головой на улицу не выйдет. Такая вот победа моды
над мужским произволом.

– Ты о чем задумалась, девочка? – Зигфрид настойчиво сжал мой локоть.

Я осмотрелась. Пока в голове моей сновали необременительные размышления, мы с огнем покинули площадь Ветра, и теперь нас кружило в вязи узких улочек.

– Куда мы идем?

– На площадь Розы. Комедианты обосновались там. Им разрешено давать представление даже в дни корриды, разумеется, до или после оной.

Мне показалось, что порыв ветра донес далекий гомон толпы.

– Мы не опоздаем? Давай поспешим!

Зигфрид послушно прибавил шаг.

Капитан Альфонсо ди Сааведра никогда не делал того, чего ожидали от него окружающие. Вот и сейчас вместо того, чтобы вернуться в таверну, где его подчиненные делали обыск в соответствии с полученными от начальства указаниями, или отправиться напрямиком в казармы, чтоб скоротать остаток вечера за чаркой доброго вина и игрой в кости, капитан миновал два квартала от площади Ветра и обошел казармы с другой стороны. Навстречу ему двигалась небольшая компания. Четверо – двое мужчин, две женщины. Кавалеры, уже нетвердо державшиеся на ногах от выпитого, были при шпагах, дамы, от орлиных взоров которых состояние спутников укрыться не могло, при веерах. Капитан, узнавший обеих женщин, почтительно поднес руку к шляпе. С той преувеличенной почтительностью, которую можно было счесть оскорбительной насмешкой. Ибо о профессии встреченных дам ди Сааведра был осведомлен не понаслышке. Один из кавалеров потянулся к оружию, дабы призвать наглеца к ответу.

– Альфонсито! – всплеснула руками одна из жриц ночи. – Вы к нам? Как жаль, но сегодня я занята.

– О, Розита, как приятна мне ваша жалость. Но, к счастью, я направляюсь в некое заведение по соседству.

Многозначительный взгляд прозрачных глаз капитана пригвоздил к месту кабальеро, так и не успевшего обнажить оружие.

– Веселой ночи, господи, – коротко поклонился капитан.

Розита проводила его прямую спину мечтательным взглядом.

Здесь дудели в дудки, здесь колотили в барабаны, и крошечные медные тарелочки, ударяясь одна о другую, разносили по площади свой пронзительный звон. А трещотки-то, трещотки! Их было так много, что площадь тарахтела, как тележка старьевщика, как тысячи таких телег. И пахло праздником – печеными каштанами, молодым вином, рыбой, жженым сахаром. А в глазах рябило от многоцветья мельтешащих огней. В центре толпы возвышался матерчатый купол.

– Приятно видеть, как алеют твои щеки, – сообщил Зигфрид, прокладывая нам путь. – Надо почаще выводить тебя в свет.

Я неловко оступилась, мимоходом подумав, что морок следует подновить, ибо сквозь румянец наверняка проступают уже пятна грязи.

Представления я любила. С самого детства, когда впервые увидела на деревенской ярмарке заезжих скоморохов. Писклявый четырехпалый Петрушка, помнится, веселил народ в Мохнатовке скабрёзными шуточками. То, что я большую часть их по малолетству не понимала, нисколько не мешало получению удовольствия. И соперники у кукольного молодца были самые потешные – толстопузые бояре, жрецы, носатые романцы с кольцами в деревянных ушах. Эх, время-времечко!..

Мы с бароном протиснулись к настилу, на котором стоял матерчатый шатер. «Сцена», – вспомнила я слово из одного мертвого языка.

– Тебе хорошо видно? – обернулся предупредительный Зигфрид.

Я только кивнула в ответ, опасаясь пропустить хоть что-то из представления. Перед занавесью притопывала и хлопала в ладоши изящная танцовщица. В свете факелов ее длинные волосы отсвечивали синим, а лицо прикрывала черная кружевная полумаска. Я невольно залюбовалась ею.

– Бромиста! – вдруг крикнула девушка, воздев руки. – Бромиста! Бромиста!

Толпа подхватила четкий ритм.

– Бро-мис-та! Бромиста! – вопила я вместе со всеми и также притопывала в чудном ломаном ритме. – Бро!..

Занавесь распахнулась. Деревянная кукла, почти в человеческий рост, появилась под звон тарелок.

– А вот и я! – Писклявый Петрушечный голосок перекрикивал толпу. – Я, великий Бромиста, весельчак и балагур, опять с вами!

Освещение изменилось; факельщики поднесли огонь к полированным медным щитам, и волна мягкого света затопила сцену. Танцовщица изогнулась, ринулась вперед, и юбка пеной алых кружев метнулась за ней. Теперь на помосте было две фигуры – воплощение жаркого огня и нескладный деревянный человечек, этого огня нисколько не боящийся.

– Ты этого ожидала? – переспросил Зигфрид. – Это буратини?

– Лучше, – ответила я. – Это марионетка. И насколько я могу судить, ее кукловод талантлив, как сам бог театра.

А представление между тем набирало обороты. Юная синеволосяя донья умело изображала внезапно вспыхнувшую страсть, игрушечный партнер отвечал ей взаимностью. Они станцевали милый пасторальный танец, по ходу дела объясняя публике, что деревянный Бромиста работает пастухом и намалеванные на заднике толстенные овечки являются его стадом.

Я пыталась высмотреть нити, за которые дергает невидимый кукловод. Ночное зрение, обычное, опять ночное... Безуспешно. Мне захотелось познакомиться с человеком, который так продуманно расставил осветителей.

Идиллия не могла продолжаться долго, ей помешали. Зло приняло обличье подлого герцога, местного помещика, у которого красotka служила горничной. Антагонист, скорее, был персонажем комическим, но, когда он явился из тьмы кулис, путаясь в длиннейшей бороде и приволакивая ногу, мое сердце тревожно забилося. Герцог тоже был в черной полумаске, оставляющей открытой нижнюю часть лица.

– Кто посмел? Накажу! Не пощажу! – Подведенные кармином толстые губы злодея будто жили своей собственной жизнью, а голос оказался гулким, как из бочки. И каким-то смутно знакомым.

Я поежилась.

Девушку разлучили с безутешным пастушком. Герцог кликнул двух стражников, которые немедленно появились под бряцанье оружия. Бромиста горестно стenal: «Сильвестрис! Любовь моя!» Гитара плакала вместе с ним, и так же всхлипывали многочисленные зрители. Да чего уж там, у меня самой в горле стало солоно. Пронзительный гитарный аккорд, падающий занавес... Я украдкой вытерла глаза.

– После перерыва они продолжат, – приобнял меня за плечи Зигфрид. – Тебе понравилось?

– Очень. Я никогда ничего подобного не видела. Хочу заплатить за удовольствие. Одолжишь пару монеток?

– Мой тощий кошелек к твоим услугам, – галантно ответил барон. – Сейчас вынесут блюдо для сбора денег, и мы...

Я поблагодарила кавалера кивком и дернулась, ощутив влажное прикосновение к щиколотке. Снизу на меня скорбно смотрели карие собачьи глаза.

– Парус? – недоверчиво прошептала я, наклонившись. – Хороший песик...

В ноздри ударил запах достойной собачьей старости.

– Это ведь ты был? Там, за ширмой?

Он ответил еще более скорбным взглядом. Видимо, моя непонятливость доставляла ему мучительное неудобство.

У меня в голове будто провернулись шестеренки диковинного механизма. Студентку Квадрилиума пытались нанять лицедеи? Да я готова съесть длинную бороду потешного злодея, если это не он беседовал со мной, спрятав лицо под длинноносой маской. Я радостно обернулась к Зигфриду, чтобы поделиться своим открытием и заодно пересказать историю своих ночных походов. Но кавалер был занят денежными делами. Он доставал монетки из потертого кошелька. В кожаном растрепе на мгновение показалась нить блестящих бус. И я умилилась, представив, как вечером барон будет дарить украшение своей даме сердца. Манерную Кресенсию я недолюбливала, но ведь главное, чтобы Зигфрид был с ней счастлив. В свои почти двадцать лет я понимала, что нам, женщинам, мужских пристрастий не понять.

Опять настойчивое влажное прикосновение. Пес дважды повел лобастой головой и затрусил прочь. Я колебалась. Меня явно куда-то приглашали, и явно одну, без спутника.

– Зиг, мне нужно отлучиться.

– Позволено ли мне будет узнать куда?

«На кудыкину гору!» – раздраженно подумала я, но ответила лишь удивленным взглядом.

– После захода солнца девушке опасно находиться за стенами Квадрилиума без сопровождения.

– Это ты мне сейчас какую-то инструкцию зачитываешь? Девушки бывают разными, и некоторые более опасны для ночного города, чем город для них.

– Ты думаешь, Мануэль Изиидо избежал ареста и ждет тебя в условленном месте? – проявил Кляйнерманн чудеса смекалки. – Тогда я провожу тебя. Мне не терпится познакомиться с этим кабаньим.

Я звонко рассмеялась.

– Да нигде он меня не ждет! И если хочешь знать, ты – последний человек, которому я хотела бы представить этого разбойника.

– Так ты признаешь, что он преступник?

– Зачем такие жестокие слова, мой господин? – Если бы у меня был веер, я бы сейчас с большим удовольствием шаловливо отхлестала барона по хитрому носу. – Бедный провинциал слегка нечист на руку, но кто из нас без греха в это беспокойное время, когда налоги короны так велики, а прибыли от земель ничтожны?

– Очень правильные слова, донья, – поддержал меня некий господин, стоящий неподалеку. – В тяжелое время живем. Не живем, а выживаем...

Зигфрид одарил говорившего остекленевшим взглядом и взял меня под руку.

– Мы возвращаемся в университет!

– Я хотела досмотреть представление, – хныкала я, пока мы пробирались сквозь толпу. – Да я бы вернулась быстро...

– Твой сын спрашивает, где папа! – вдруг преградила нам путь статная красавица, ее черные глаза метали молнии, грудь гневно вздымалась.

– К-какой сын? – слегка заикаясь, спросил Зигфрид.

– Все трое! – Незнакомка заговорщицки мне подмигнула и схватила барона за руку. – Дочери тоже по тебе тоскуют...

Я юркнула за чужие спины и пошла прочь, ведомая умной псиной по кличке Парус. Синеволосая танцовщица продолжала стенать, вызывая смех зрителей. Розыгрыш был похож на заранее подготовленный, и мне подумалось, что красotka каждый вечер высматривает себе в толпе жертву побезобиднее, чтобы всласть над ней покуражиться. Зигфрид, кажется, пока не сообразил, что над ним дурачатся. Он растерянно крутил головой, беззвучно по-лягуша-

чьи открывал рот и представлял собой ожившую картину под названием «Простак обыкновенный».

Дощатый помост охраняли вооруженные стражники в блестящих гребенчатых шлемах и медных нагрудниках, на которых я с удивлением заметила отчеканенные шестиконечные звезды. Доксов знак? Не может быть! Никогда не слышала, чтоб многомудрые создатели големов разменивались на легкомысленные площадные развлечения. Да и обитают они далековато от наших пенатов. От любопытства у меня даже кончик носа зачесался. Пес подождал, обернувшись, и потрусил прямо на алебарды. Я вздрогнула, когда острие коснулось моей груди и прошло насквозь, будто не встречая сопротивления. Простенькая личина, наброшенная в трактире, лопнула, как мыльный пузырь в детской ладошке. Я рассмеялась; славное колдовство – не стихийное, Источник мороки не питает. Давным-давно, еще когда моим образованием занималась бабуля, я изучила несколько доковых заклинаний, но такого среди них не припомню. Это из чего они мороков тут наплели? Я почесала нос.

Пахло деревянной стружкой, псиной, благородными притираниями. Ароматическая какофония казалась вполне уместной, но чихнула я знатно, так, что искры из глаз посыпались.

– Будьте здоровы, тетенька, – раздался из темноты низкий голос. – Вот и свиделись.

– Ваня, нельзя же так неожиданно. Она сомлеет сейчас с испугу...

Бромиста, деревянная марионетка, звезда кордобской сцены, говорил сейчас на рутенском. И в обморок я упала именно поэтому, а не от ужаса, – к сожалению, не успев ничего никому объяснить.

Капитан Альфонсо ди Сааведра спускался по винтовой лестнице, казалось, в самую преисподнюю. «Мой личный ледяной ад», – усмехнулся про себя капитан, запахивая плащ поплотнее. Не ощущать на бедре тяжести шпаги было непривычно. Но оружие пришлось оставить наверху, все оружие – два клинка, трехгранный кинжал, не раз выручавший его в ближнем бою, комплект метательных ножей, плоских, утяжеленных. Ситуация того требовала, и Альфонсо подчинился. Здание тюрьмы сегодняшней ночью было всего лишь прикрытием, одним из таинственных врат, местоположение которых постоянно менялось. Спуск закончился, капитан снял со стены чадающий факел и уверенно пошел по коридору. За его спиной легким пеплом осыпалась лестница, истаявая пролет за пролетом. Малый элорийский совет для соблюдения тайны мог позволить себе и не такое колдовство.

– Сильвестрис обещала держать шваба при себе, сколько потребуется, – вещал писклявый голосок. – Давай уж нашей девице солей каких нюхательных поднесем, чтоб в себя пришла. А то ничегошеньки не успеем. Мне, между прочим, еще вторую акту отыгрывать, еще в образ войти, реплики повторить, горло яичным желтком смазать для благозвучности пения.

– Тебя, дядюшка, чем ни смазывай, все равно как тележное колесо скрипишь, – добродушно отвечал Ваня. – Лутона у нас крепенькая, сейчас оклемается. А ты заметил, как она заневестилась? Раскрасавица стала.

– Да ты меня рассказами про ее прелести неземные скоро в гроб вгонишь! Как увидел ее вчера, так и трещишь без умолку! Окстись, Ваня, не в коня корм. Если ее маркиз в оборот взял...

– Что, мы все вместе на этого супостата управы не сыщем, тем более теперь, когда Лутоношку встретили? А может, давай я надежным дедовским методом красавицу оживлю? Поцелуем то есть...

Я протестующе заорала и резко села, напомним себе тех умертвий, которых нам показывал мэтр Франкенштайн в качестве иллюстрации к уроку магической некромантии. В чувство пришла, называется. Вроде все на месте – слух, зрение, обоняние, осязание, вкус. (Во рту было, кстати, противно.) Покряхтывая, как столетняя старуха, посмотрела на Бромисту, отыскивая в раскрашенном кукольном лице черты склочного разбойничьего атамана Колобка, махнула дрожащей рукой и перевела гневный взор на покрасневшего Ваню. За два года, что

мы не виделись, парень еще шире раздался в плечах (хотя, казалось, дальше некуда) и возмужал. На подбородке курчавилась русая поросль, а в голубых глазах, некогда выражавших лишь добродушие, явственно проглядывала хитринка.

– И вам не хворать, добры молодцы! – саркастически поприветствовала я честную компанию. – Какими, так сказать, судьбами в наши Палестины?

На слове «Палестины», которое я вернула для пущего эффекта, оба оглоева переглянулись.

– Лутонюшка, девица красная, ты-то как поживаешь? – проскрипел Колоб. – Все, как мечталось, содеялось? Стала владычицей ветра?

– А вот разговор переводить не надо, – лилейно пожурела я с той самой ласковостью, которая способна на лету мух бить. – Не стала, дядюшка, и не моя в том вина, много времени впустую потратилось. Вы же меня в трудный момент колдунам на растерзание бросили.

Деревянные куклы не могут краснеть, даже если в их скрипучем нутре скрывается големская сущность сказочного рутенского Колобка, но я готова была поклясться, что бывшему атаману очень стыдно.

– Плохо дядюшке было, иструхлявился он весь, – попытался оправдаться Ванечка. – Мы как рассудили...

– Вы рассудили, что сбежать будет проще, что я одна со всеми закавыками справлюсь? Что заказ для валашского князя выполню и без помощи обойдусь, если хинская лисица нападет?

Ваня растерянно кивнул, глядя на меня с ребяческим вожделием, которое мне все меньше и меньше нравилось.

– Так мы же добрались до них, до палестин то есть, – с гордостью сообщил недоросль. – У доксов в гостях побывали. Скажи, дядюшка?

– Мне же кудель-мудель принять пора для голоса. – Марионетка, поскрипывая суставами, попыталась отступить в темноту. – Швабское средство, верное. Яичный желток с сахаром взбить надобно...

– Стоять! – припечатала я. – Пока вы мне все не объясните, никто с места не сдвинется. А захотите обмануть или умолчать чего, я стражников кликну, не ваших – морочных, а настоящих кордобских гвардейцев, у меня даже капитан знакомый есть.

Разбойнички опять переглянулись.

– Не мастак я рассказывать, – пожал сажеными плечами Ванечка. – Хочешь, покажу?

– Это как?

Увалень придвинулся, протянув ручищи к моему лицу.

– Колдовство одно освоил, иноземное.

– Целоваться полезешь – в ухо заеду, – на всякий случай предупредила я. – Или на дуэль вызову. Знаешь, как я на шпагах дерусь?

– Знаю, – кивнул Ваня. – Я про тебя много в Квадрилиуме расспрашивал. Почитай, весь день там провел.

– Он твоего романина чуть не уколошил, – наябедничал Колоб. – Прямо в щепы!

– К-какого романина? – сладко ухнуло сердце.

– Рыжего, не помню, как зовут. Он про тебя скверности говорил, ну я по-мужски дело разрешил, без железок глупых. Рыжий сказывал, охранять тебя будет, пылинки сдувать и, если беда какая с тобой приключится, весточку мне с ветром отправит.

«Так вот кто Игору разукрасил, – разочарованно думала я. – Мечталось-то вовсе о другом защитнике. Значит, права Иравари, сама себе встречу с Владом придумала. Умом девка повредила, не иначе от неудовлетворенности любовной. Вот ведь глупость какая!»

– Колдуй давай, – устало разрешила я. – Показывай, что с вами, шалопаями, приключилось.

Огромные пальцы обхватили мое лицо, прикрыв глаза и слегка защебив нос. Я от неожиданности дернулась, пытаясь стукнуть обидчика побольнее, а потом замерла, размеренно дыша ртом. Магия Ванечки была мне незнакома, и оказалась она такой яркой, такой пронзительно-прекрасной, что из-под шершавых ладоней здоровяка градом катились мои счастливые слезы. Это были картинки, полные цвета, запаха, звука. И они... двигались, как будто сама я, бестелесная, наблюдала за событиями, происходившими полтора года назад.

...Древнюю Рушалу укутывал ночной мрак. Скрылись во тьме от усталого путника знаменитые висячие мосты, золоченые крыши храмов, выбеленный мрамор ступеней. Двугорбый ездовой верблюд устал не меньше своего хозяина, но упорно переставлял ноги, влекомый только ему понятными верблюжьими инстинктами. Остановившись у крытой колоннады, животное опустилось на землю, поджав под себя колени. Всадник грузно спешился.

– Это ли дом досточтимого докса Шамуила? – громко проговорил он, стараясь не делать резких движений, разумно опасаясь, что в кромешной тьме, подступающей со всех сторон, запросто может прятаться с десятков лучников или вооруженных кинжалами слуг.

Пение цикад смолкло.

– По какой надобности потревожен покой учителя? – отозвалась темнота надтреснутым старческим голосом.

– Я пришел с миром. У меня нет оружия. – Посетитель медленно поднял руки над головой. – Мне нужно поговорить с мастером...

Раздался щелчок. Желтоватый огонек масляного светильника выхватил из тьмы длинноносое лицо слуги.

– Учитель сказал – гость, пришедший на закате, будет знать, что предъявить стражу.

– Покажи им меня, Ванечка...

Человек распахнул полы плаща, под ним в сложной ременной конструкции болтался почти бесформенный ком.

– Это мой родственник, – твердо проговорил пришелец. – Он голем, и ему нужна помощь.

– Учитель примет вас, – кивнул слуга. – Идемте за мной...

Ванечка убрал руки от моего лица.

– Вот так мы и познакомились с доксом Шамуилом – мастером големов.

– И он перенес сущность Колобка в ростовую куклу? Зачем?

– Он сказал, что с хлебом работать не приучен, – грустно ответил Бромиста. – Сказал, дедушка мой самородком был, гением. Что если бы какие записи магические у меня от родителей сохранились, докс мог бы попробовать. Ага, записи... По сусекам родитель помел, по углам наскреб, а грамоты-то как раз и не разумел. Но оно и к лучшему – так у меня хотя бы руки-ноги есть.

– А в лицедеи вас определили для какой надобности?

Ваня оторвался от удивленного рассматривания своих ладоней.

– Должники мы, по гроб жизни обязанные. Доксы ничего просто так не делают – не простое у них колдовство, не дешевое. Кроме дядюшкиного лечения они еще во мне способности открыли, не очень полезные, но приятные, сама видишь. Пришлось к маркизу в кабалу идти, отрабатывать по мере сил. Ты полынью пахнешь...

– И велика ли прибыль? – резковато спросила я. Очарованный дурачок вызывал во мне тревогу; насколько легче было, когда он меня «тетенька» называл и о нежных чувствах и речи не было. – Неужто дождь золотодублонный на кукольников сыплется?

Бромиста резко шагнул к Ванечке, скрипнув суставами, и отвесил недорослю подзатыльник.

– Ну давай дальше признавайся! Я тебе говорил, не нужно нам раскрываться, говорил, стыда не оберемся?

Тот потянулся к затылку:

– Так мы и не лицедеи вовсе, Лутонюшка. Шпионы мы, для доксового синода тайны вынюхиваем. Вот «Мать четырех ветров» послали разыскать. Маркиз говорит, доставим это чудо чудное, куда велено, нам все долги скостят.

У меня холодно заломило в затылке.

– «Мать четырех ветров» – это что?

Я спрашивала очень осторожно. Информация так часто ускользала от меня, что я опасалась спугнуть ее и на этот раз.

Ваня пожал сажеными плечищами.

– Ну, так Источник новый, я так разумею, старый-то иссяк...

– А врешь ты, племянничек, и не краснеешь. Все с ним хорошо, с Источником то есть. Я же нити силы вижу – у тебя на макушке уже целый колтун из них, а еще в храме была седмицу тому назад.

– А видала ли ты когда-нибудь, как речка в великую сушь пересыхает? Не вдруг ведь дело делается. Сначала воды становится все меньше и меньше, а которая остается, зарастает ряской и илом, а потом потихоньку, полегоньку... Думаешь, почему Кордобу сегодня потрянуло? Как вам, студентам, катаклизму эту начальство пояснило?

– Подземные толчки, вызванные сдвигом гранитных плит.

– Нет здесь гранита, – проскрипел Бромиста. – Весь остров ходами подземными изрыт, значит, порода мягкая.

Пререкаться я не стала, вечером с Иравари посоветуюсь. Тем более что, судя по доносящемуся сюда гомону толпы, настало время продолжать представление и разговор пора было сворачивать.

– Спасибо за познавательную беседу, – поднялась я. – Меня ждет кавалер, который, я надеюсь, уже вырвался из цепких ручек вашей поделницы.

– Да, Сильвестрис свое дело знает, обещала барона придержать, сколько понадобится, – улыбнулся Ваня. – Так ты поможешь нам?

– С огромным удовольствием. – Я отряхнула жесткую юбку и плавно перешла на элорийский. – Но, к сожалению, возможности скромной студентки Квадрилиума не позволяют ей ввязываться в шпионские авантюры.

– Лутоня! – ахнул Бромиста. – А как же наша дружба?

– Как вовремя вы, господа, о дружбе вспомнили, – вздернула я подбородок. – О такой удобной, такой односторонней. Наивная деревенская простушка, которую вы бросили, тоже уповала на дружбу. Всего доброго, кабальеро! Надеюсь, те медяки, которые я оставляю за представление, приблизят светлый миг вашей свободы.

Я резко развернулась на каблуках, ощутив напряженной спиной движение увальня. В следующее мгновение я намеревалась присесть, увернувшись, и ударить противника по колену.

– Не надо, Ванечка, пусть уходит, – рассудительно сказал Бромиста. – Ей подумать надо, охолонуть. Мы же правда не по совести с ней поступили... Лутоня, если передумаешь, приходи. Мы каждый вечер здесь представление даем. А с маркизом поаккуратней – гадкий он человек. Если узнает, что мы с тобой знакомы, никому не поздоровится. И хитрый очень, если прознает, какие болевые точки...

– Чем он вас держит? – Я все-таки не выдержала и испортила свой величественный уход. – Магия, угрозы?

– Долговые расписки.

– Он колдун?

– Если и колдун, то не стихийник. Но мужик очень непростой, в своем деле лучший. Совет ему доверяет.

Я даже не кивнула, ныряя за деревянную панель. Слова бывшего атамана повисли в воздухе.

Глава 3

(в которой поверяются сердечные тайны, плетутся интриги и мороки, а также происходят неожиданные встречи)

*Eine Stunde Schlaf vor Mitternacht ist besser
als zwei danach⁴.*

Немецкая пословица

Вышла царица из-под полицы:

«Где наш царь Кесарь?»

Он придет к нам в полночь ночевать?»

Русская загадка. Ответ: мышь и кот

– Ты спать-то сегодня собираешься? – недовольно спросила Иравари, уже битый час наблюдавшая за моими метаниями.

Эмелина опять с кем-то «возжигала огонь страсти», что, впрочем, оказалось очень кстати, так как комната была в нашем с демоницей распоряжении. Если бы моя соседка обладала менее горячим темпераментом, мне давно пришлось бы съехать.

– На том свете отоспимся, – огрызнулась я. – Пока не придумаю, куда этого маркиза определить, не будет мне покоя. Слишком много игроков у нас в партии заявлено. Я только-только разбираться начала, тут – бах! – шпионы.

– Это и есть настоящая жизнь. А ты что думала, все просто получится: ты – ход, противник – ход, и отбой посчитали?

Тут не один десяток лет каша заваривалась, и почему ты вдруг решила, что сможешь ее в одиночку разгрести?

– Твои кулинарно-игровые аллюзии слишком прозрачны.

– А ты свой словарный запас для дворцовых интриг побереги, нечего на мне искусство риторики оттачивать, – надулась Иравари. – Я тебя сразу предупреждала: не для юной девы задача.

– То, что не для девы, Мануэль на себя взял.

– Скоро никакие мороки не помогут, – не уходила от темы Иравари. – Все заметят и синяки твои под глазами, и щеки впалые. Совсем себя не щадишь.

– Мне красота ни к чему, – просто ответила я. – Люди прочь с криками ужаса не бегут – и слава богам.

Я подошла к зеркалу и пальцем провела по его поверхности. Картинка с Иравари съежилась и забилась в уголок, а я смогла изучить свое отражение. Странно, когда я еще девчонкой была, бабушка чего только не делала, чтоб «красоту мою от глаз чужих сокрыть». Слишком моя внешность не вязалась с образом деревенской простушки. Теперь пришло время о другом заботиться – чтоб никто следов моих еженощных бдений не заметил. И чего Иравари ругается? Ну да, бледненькая и с лица спала, отчего глаза кажутся еще больше, ключицы торчат. Но это не от недосыпу, а от того, что ем мало. А ем мало потому, что времени на трапезы особо нет...

– Я тебя Зигфриду сдам, – вдруг пискнула из своего уголка демоница. – Ты меня с ним знакомила когда-то, значит, я ему без проблем являться могу. – Все ему расскажу: и про то, что ты с собой делаешь, и в какую авантюру ввязалась.

⁴ Один час сна до полуночи – лучше двух после (нем.).

– Только попробуй! – Я сделала раздраженный пасс, Иравари опять появилась в полный рост. – К тому же мэтр Кляйнерманн обижен на меня безмерно.

– За то, что ты его на растерзание лицейке оставила? – оживилась собеседница. Когда я ей в лицах «про сыночков да дочек» рассказывала, она хохотала до слез.

– И за это тоже. Знаешь, он вообще в последнее время какой-то беспокойный и смотрит на меня уж очень... Знаешь, я, наверное, личину надевать больше не буду. А то поклонников образовалось – не продохнуть.

– Ну-ка, ну-ка... – потеряла руки демоница, ее длинные алые когти хищно блеснули. – Давай пальцы загигать. Значит, Игорь, толку от которого немного, рутенский знакомый Ванечка – а подведи-ка ты его к зеркалу какому-нибудь, очень интересно посмотреть, как он изменился, – загадочный капитан стражников, почти родственник Зигфрид и законный супруг. Я никого не пропустила?

– Супруга можешь смело вычеркивать, – мотнула я головой. – Даже если он явится пред наши светлы очи и будет петь серенады, это будет говорить лишь о том, что ему что-то нужно в Кордобе.

– Тут мне возразить нечего, – погрузилась Иравари. – Но ты тоже пойми: его не для любви воспитывали, а чтоб княжеством править.

– Думаешь, он уже развелся со мной? – Я спрашивала осторожно, эту тему с подружкой мы никогда не обсуждали, и мне не хотелось, чтоб она думала, что меня занимают такие девчоночьи мысли.

– Нет.

– Не думаешь или не развелся? – Я дышала ртом, чтобы не шмыгать носом.

– Тут такое дело, любезная княгиня, – сладким, просто-таки сиропным тоном ответила демоница. – Замуж-то выскочить можно и без наличия супруга, а вот для развода должны оба присутствовать.

– Но я думала, ему достаточно будет указ издать.

– Вас маг венчал, благословения Источника испрашивал, так что Источник вас и развести должен.

– А почему ты раньше мне об этом не говорила?

Иравари поправила мантилью.

– Просто к слову не пришлось. К тому же это ничего не меняло. Твоя жизнь оказалась под угрозой, и даже если бы тебе для спасения нужно было гарем на восточный манер себе завести, я бы все равно не возражала. Кстати, о гаремах. Давай поговорим о капитане. Как он тебе? Хорош?

– Да обычный дядька, – задумчиво ответила я. – Не урод и не красавец, не маг. Боец он хороший. Это я тебе точно говорю, он так движется, что понятно – фехтовальщик. Я бы с ним с удовольствием...

Я зевнула просто отчаянно.

– Ладно, наверное, спать пора.

– А с маркизом мы ничего так и не придумали?

– Почему не придумали? Мы его властям сдадим, пусть с ним король разбирается.

– На каком основании?

– Обыск надо у касатика устроить, основания сразу отыщутся. Надо только его логово тайное найти. Я повороты не считала, но думаю, с закрытыми глазами, куда меня вели, вспомню. Вот в доносе точный адрес и укажу.

– Да его десять раз предупредят, он все перепрыгнуть успеет. Скорее всего, у него в страже свои шпионы имеются. Ты же знаешь, какие тут люди продажные, за горсть дублонов маму родную продадут.

Я с хрустом потянулась и опять зевнула.

– Ты права, никого в эти планы посвящать нельзя. Где, говоришь, у нас эликсир бодрости?

– Лутона, прекрати! Ты его, эликсир этот, как ключевую водицу хлебаешь, так и помереть недолго. Ты, наверное, и чувств поэтому сегодня лишилась. Никакой же организм такого напряжения не выдержит...

Но я уже доставала из пристенного сундука бутыль и вытаскивала притертую пробку. Терпкий запах полыни зашекотал ноздри.

– Вот честное слово, в последний раз. Завтра целый день спать буду.

– Надень что-нибудь блестящее, я тебя подстрахую.

Я выдохнула и отхлебнула горькое питье.

– Я тебе потом все подробно расскажу; все равно, если что-то случится, на помощь ты не прилетишь.

– Ну хоть шпагу возьми.

– Поучи жену щи варить, – весело огрызнулась я, уже вытаскивая из-под кровати сверток с оружием и удобные кожаные ботфорты, в которых бегать во время ночных вылазок было гораздо удобнее, чем в туфельках.

– И морок при мне сотвори, чтоб я со стороны его оценила, – никак не хотела отпускать меня подруга.

Я послушно напряглась, притягивая к себе решетчатую лунную тень и далекие отблески звезд. Материал для личины был первосортный, кокон получался плотным, почти осязаемым.

– Прекрасно! – одобрила Иравари после внимательного осмотра. – Удачи тебе! И если ты, маленькая разбойница, обманешь меня и целый день завтра в кровати не проведешь...

Я не дослушала, ускользая в темноту коридора. Невежливо удаляться, кажется, входило у меня в привычку.

Капитан Альфонсо ди Сааведра был счастлив. Представление его скромной особы тайной курии прошло успешно, и будущность бравого вояки рисовалась в самых радужных тонах. Гранды стихийных домов одобрили его кандидатуру, и должность кордобского алькальда, пустовавшая уже несколько десятков лет, сегодняшней ночью оказалась занята. Занята им, Альфонсо Фонсега Диас Кентана ди Сааведрой. И может быть (бывший капитан городской стражи очень на это надеялся), со временем ему будет позволено присоединить к цветистой фамилии матери небольшое дополнение – Акватико, ибо один из четырех стихийных грандов приходился ему отцом. Как всякий элорийский бастард, дон Сааведра к вопросам чистоты крови относился крайне щепетильно и мог порвать глотку любому наглецу, осмелившемуся усомниться в его благородном происхождении. Достойная матушка нового алькальда, терпеливо ожидающая вестей в своем поместье, являлась светской супругой дона, супругой неофициальной, ибо благословения Источника на сей брак испрошено не было. Дон Акватико, уже будучи в летах, увлекся светлоглазой прелестницей не на шутку. И не остановило его, что избранница магической силой не обладала. А донья Мария, единственная дочь провинциальных дворян... Бывает, ведь бывает такое, когда молоденькая девушка влюбляется во взрослого мужчину, почти старика. Потому что он умен, потому что обладает властью, потому что... Ах, к чему искать причины там, где все решает любовь, чувство загадочное и логике неподвластное? Алькальд мысленно пообещал себе сегодня же отписать матушке, чтоб она разделила с ним радость триумфа. «Ах, Альфонсито, – часто говаривала она, на мгновение подняв глаза от сложной вышивки или отведя в сторону кисть, которой наносила тонкие линии на отрез восточного шелка. Юный Альфонсо любил в такие минуты сидеть рядом с ней на устойчивом трехногом табурете и наблюдать за сосредоточенным прекрасным лицом, за четкими движениями тонких холеных рук. – Дорогой мой, тебя ждет великая судьба, я верю в это всем сердцем». Ну, теперь ее душа может быть спокойна, сын достиг определенных высот и с вершин этих сможет оказать некую помощь своей семье. Дон Сааведра счастливо вздохнул и поднял взгляд к благоволящим к нему небесам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.